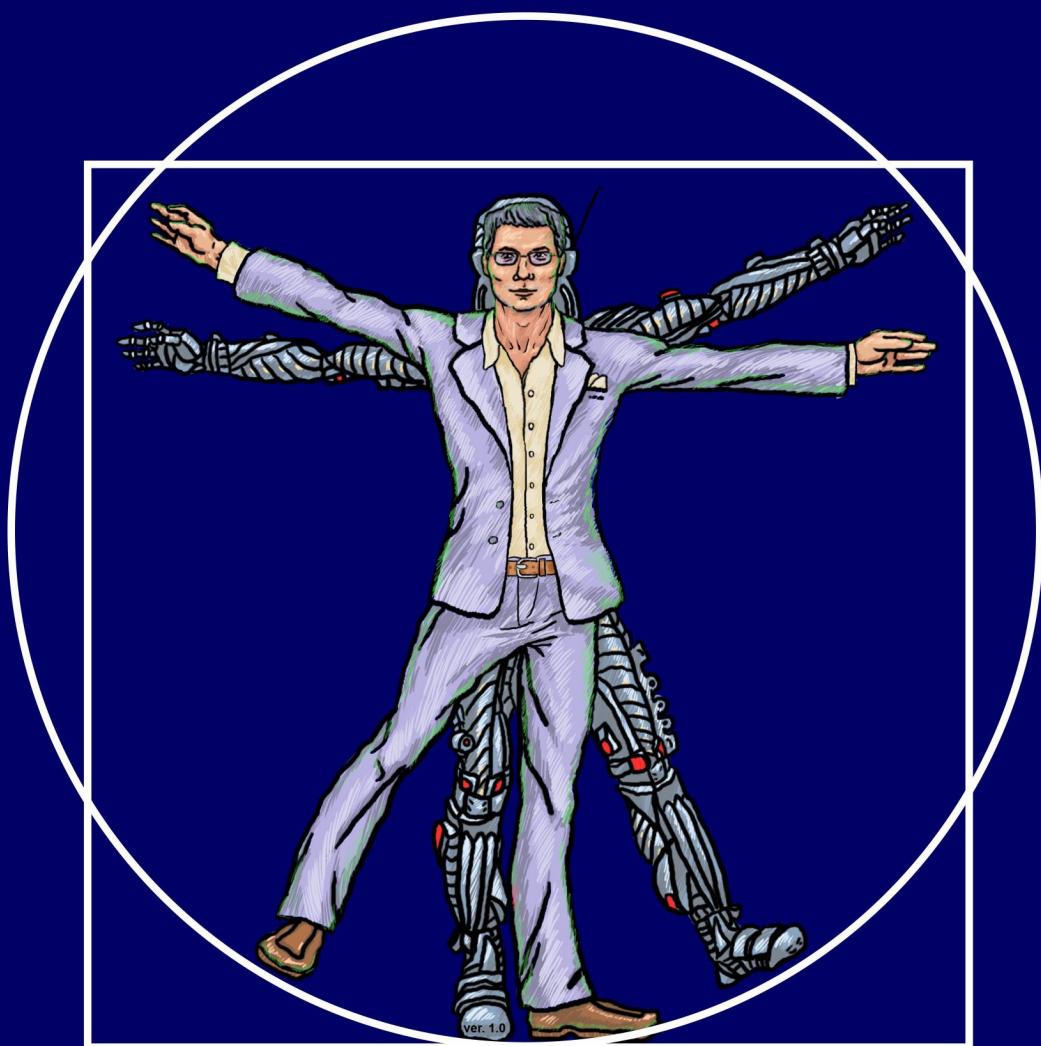

№1(6)

НОМО СУБЕРУС

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2019

Международное интернет-сообщество
исследователей феномена киберсоциализации человека

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НОМО СУВЕРУС

№ 1(6) – 2019

Москва

Журнал «Homo Cyberus» является электронным
научно-публицистическим изданием, освещющим
вопросы теории и практики киберсоциализации человека и общества

УДК: 37; 004; 008; 14; 316.3; 316.614; 159.9

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: В.А. Плешаков, к.п.н., доцент, профессор МПГУ

Выпускающий редактор: М.В. Пустовойтова

Сайт журнала:

<http://journal.homocyberus.ru>

E-mail: portal.homocyberus@gmail.com

Международное интернет-сообщество исследователей
феномена киберсоциализации человека:

<http://www.homocyberus.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ –

ЭЛ №ФС77-71369 от 26 октября 2017 года (Роскомнадзор)

*Редакция не располагает возможностями вести переписку,
не связанную с вопросами публикаций
Перепечатка любых материалов, опубликованных
в журнале «Homo Cyberus»,
допускается только с разрешения редакции*

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций

© *Homo Cyberus, 2019*

Подписано к публикации 01 июня 2019 года

**Редакционная коллегия электронного научно-публицистического журнала
«Homo Cyberus»**

Главный
редактор

Плешаков Владимир Андреевич – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры социальной педагогики и психологии факультета педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (Россия, г. Москва)

Заместитель
главного
редактора

Воинова Ольга Игоревна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры высшей математики ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет гражданской авиации» (Россия, г. Москва)

Выпускающий
редактор

Пустовойтова Марина Владимировна – магистр психологии, член Союза журналистов Москвы, выпускающий редактор научного междисциплинарного сетевого журнала «Академик» (Россия, г. Москва)

**Эксперты редколлегии электронного научно-публицистического журнала
«Homo Cyberus»**

Эксперт

Девтеров Илья Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор Национального технического университета Украины «Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского» (Украина, г. Киев)

Эксперт

Ефимов Евгений Геннадьевич – доктор социологических наук, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «История, культура и социология» ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет» (Россия, г. Волгоград)

Эксперт

Звоновский Владимир Борисович – доктор социологический наук, социолог Фонда социальных исследований, заведующий кафедрой социологии и психологии ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», член президиума УМО по социологии и социальной работе (Россия, г. Самара)

Эксперт

Лучинкина Анжелика Ильинична – доктор психологических наук, доцент, первый проректор ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет» (Россия, г. Симферополь)

Эксперт

Обыденкова Валерия Кирилловна – кандидат педагогических наук, начальник информационно-аналитического отдела Института системных проектов ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (Россия, г. Москва)

Эксперт

Токтаров Ермек Бауржанович – PhD, научный сотрудник отдела философии Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Казахстан, г. Алматы)

О № 1 (6) – 2019 журнала «Homo Cyberus» 5

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Плешаков В.А., Воинова О.И. Об агентах и средствах киберсоциализации «Homo Cyberus»'а 7

КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Мудрик А.В. Группы сверстников в киберпространстве 13
Захарьящева О.А. Основы психолого-педагогического сопровождения детей в процессе киберсоциализации 17
Мардахаев Л.В., Гречкина М.Э. Кибербуллинг и его влияние на социализацию младшего подростка 23
Обыденкова В.К. Практические рекомендации по кибербезопасности в социальных сетях Интернета, или Как уберечься от мошенников: часть 2 32

КИБЕРПЕДАГОГИКА И КИБЕРОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАНИИ

Вербицкий А.А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы 37

КИБЕРПСИХОЛОГИЯ

Монина Г.Б. Гаджеты на службе семейного благополучия 52
Куликова О.Е. К постановке проблемы сохранения психологического здоровья ранних подростков в условиях современной ситуации развития 60

ПЕРСОНЫ

Интервью с молодым учёным – Валерией Кирилловной Обыденковой «Интернет-проекты может создавать каждый – школьник и учитель, студент и преподаватель» 66

КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИЯ В РЕГИОНАХ

Румянцева Е.Г. Киберсоциализация на XIV Межвузовской конференции 73

ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ АВТОРОВ!

Новый выпуск журнала «Homo Cyberus» представляет собой подборку статей наших авторов о разных аспектах киберсоциализации человека и общества, по вопросам киберпедагогики и киберпсихологии, а также традиционно включает материал интервью и «отчёт» об одном из недавних состоявшихся мероприятий в сфере киберсоциализации.

Тематика статей текущего номера разнообразна.

Научный дискурс в номере 1 (6) – 2019 ведут академики и члены-корреспонденты РАО, доктора и кандидаты наук, студенты-магистранты, а также активно и продуктивно практикующие психологи-педагоги.

Вместе с заместителем главного редактора нашего журнала – **Ольгой Игоревной Воиновой** – в рубрике «**Слово главного редактора**» мы, проанализировав основные модели известных «Номо»-концепций, опубликовали статью про агентов и средства киберсоциализации «Homo Cyberus»’а (человека киберсоциализирующегося).

Открывая рубрику нашего журнала «**Киберсоциализация человека и общества**» член-корреспондент РАО **Анатолий Викторович Мудрик** рассуждает о **сущностной характеристике трёх типов групп сверстников, складывающихся в интернет-пространстве**. Данная публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №17-06-00796-ОГН «*Методологические основы создания социально-педагогических условий позитивной социализации учащихся*».

Обобщая опыт работы с детьми, родителями и педагогами в рамках психолого-педагогического сопровождения учащихся в процессе киберсоциализации в своей статье **Ольга Алексеевна Захарьящева** предлагает выделить **четыре этапа детской киберсоциализации: созерцательный, познавательный, активный и созидательный**, структурно раскрывая их характеристику.

Авторы **Лев Владимирович Мардахаев** и **Марина Эдуардовна Гречкина** свою статью посвятили **кибермоббингу и кибербуллингу как информационным технологиям психологического террора несовершеннолетних**. Ими проанализирована ситуативная социализация (ресоциализация) кибербуллинга несовершеннолетнего, как явление с учётом её влияния на всех участников: жертвы, субъекта, соучастников и безразличных свидетелей.

Валерия Кирилловна Обыденкова продолжает тему мошенничества в Сети, способах его идентификации и противодействия, поднятую в предыдущем – 2 (5) – 2018 – номере журнала, предлагая вторую часть практических рекомендаций по кибербезопасности в социальных сетях Интернета с примерами из практики.

В рубрике нашего журнала «**Киберпедагогика и киберонтологический подход в образовании**» академик РАО *Андрей Александрович Вербицкий* глубоко и подробно анализирует проблемы реализации цифрового обучения на всех уровнях системы образования в современную эпоху киберсоциализации общества. **Основная мысль статьи состоит в том, что цифровизация обучения будет продуктивной только с опорой на адекватную этой задаче психолого-педагогическую теорию.** В качестве такой теории автор статьи предлагает психолого-педагогическую теорию контекстного образования, развивающую в течение сорока лет в рамках его научной школы.

В рубрике «**Киберпсихология**» *Галина Борисовна Монина* не ставит вопрос ребром: «*гаджеты или семейное благополучие?*». В своей статье она рассуждает о последствиях как жёсткого контроля и тотальных запретов на использование электронных устройств детьми, так и вседозволенности в семье. **Известный практикующий педагог-психолог говорит о целесообразности введения в рамках семейной киберсоциализации системы «можно» и «нельзя» – системы запретов и разрешённых действий и поступков.** Её статья содержит конкретные предложения по оптимизации детско-родительских отношений в связи с угрозой ухода подрастающего поколения в киберпространство.

Продолжая рубрику, *Олеся Евгеньевна Куликова* предлагает авторскую постановку **проблемы сохранения психологического здоровья ранних подростков в условиях современной ситуации развития**, рассматривая несколько подходов к пониманию психологического здоровья, анализируя связь психологического здоровья ранних подростков с современной ситуацией развития.

В гостях у номера 1 (6) – 2019 нашего журнала *Валерия Кирилловна Обыденкова*, молодой учёный, кандидат педагогических наук, автор более 30-ти статей в сфере киберсоциализации человека и киберпедагогики, создатель оригинальной технологии интернет-проектирования, активно внедряемой в образовании.

В рубрике «**Киберсоциализация в регионах**» *Екатерина Геннадьевна Румянцева* рассказывает о работе секции «Киберсоциализация: человек в информационном пространстве» в рамках 14 Межвузовской конференции молодых учёных по результатам исследований в области психологии, педагогики, социокультурной антропологии, состоявшейся 23 апреля 2019 года на факультете педагогики и психологии МПГУ.

Рекомендую номер 1 (6) – 2019 «*Homo Cyberus*» к ознакомлению, чтению и изучению!

С уважением,
Владимир Андреевич Плешаков
и «Homo Cyberus»

ОБ АГЕНТАХ И СРЕДСТВАХ КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИИ «HOMO CYBERUS»'А

Плещаков Владимир Андреевич – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры социальной педагогики и психологии факультета педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», учёный секретарь диссертационного совета Д 212.154.11, главный редактор информационно-просветительского интернет-портала «*Homo Cyberus*» и электронного научно-публицистического журнала «*Homo Cyberus*» (Россия, г. Москва)

dionis-v@yandex.ru

Воинова Ольга Игоревна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры высшей математики ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет гражданской авиации», заместитель главного редактора электронного научно-публицистического журнала «*Homo Cyberus*» (Россия, г. Долгопрудный)

vo-nor@yandex.ru

Аннотация. В статье говорится об основных моделях «*Homo*»-концепций. Раскрывается суть базовой модели «*Homo Cyberus*»'а (человека киберсоциализирующегося). Обозначаются агенты киберсоциализации первого и второго порядка. Перечисляются основные средства киберсоциализации.

Ключевые слова: киберсоциализация, модель киберсоциализации человека, *Homo Cyberus*, агенты киберсоциализации, средства киберсоциализации, киберонтологический подход, Интернет, Сеть.

Опасность не в том, что компьютер однажды начнет мыслить, как человек, а в том, что человек однажды начнет мыслить, как компьютер.

С. Дж. Харрис

В настоящее время существует множество моделей человека как прошлого и настоящего, так и будущего, описывающих состояния человека в различных общественно-экономических формациях, социально-психологических, культурно-мировоззренческих и идеологических условиях.

В результате веб-мониторинга, осуществлённого нами ещё в 2011-2012 гг., было выявлено свыше ста двадцати «*Homo*»-концепций (!), разрабатываемых во многих областях знаний о человеке и имеющих различные ценностно-смысовые оттенки и приоритеты [1].

Нам удалось выяснить, что в теориях трансгуманизма, футурологии, компьютеризации и информатизации общества, философии техники и других областей знания рассматриваются такие основные модели, как:

- «*Homo Novus*» – человек новый;
- «*Homo Superior*» – сверхчеловек;

- «*Homo Mechanicus*» – человек-механизм;
- «*Homo Cyberneticus*» – человек-машина;
- «*Homo Technicus*» – человек технический, искусственный;
- «*Homo Sapientismus*» – человек техногенный;
- «*Homo Technologicus*» – человек технологический;
- «*Homo Virtualis*» – человек, ориентированный на виртуальность;
- «*Homo Informaticus*» – человек информационный и многие другие.

Развитие техники столь сильно изменило человеческую жизнь, что такие трансформации *Homo Sapiens*'а – человека разумного – давно перестали быть объектами лишь научной фантастики. **Человечество XXI века активно идёт по пути совершенствования человека техническими средствами, улучшая его телесную природу, психофизические возможности и способности**, постепенно начиная уподоблять его машине, киборгу, биомеханизму, что вызывает опасения.

Наиболее ярко подобная «перспектива» освещена с позиций **трансгуманизма** [5]. Пользуясь терминологией трансгуманизма, **человек настоящего – есть уже трансчеловек**, т.е. «переходная форма между биологическим человеком и постчеловеком. Трансчеловек использует технологии для расширения своих возможностей, перестройки самого себя и ускорения своего развития» [6].

В этой связи **возникает масса научных дискуссий о сохранении человеческой самобытности и культуры**. Главным итогом подобных споров становится тезис о том, что если мощный технический прогресс уже стал данностью и вошёл в сознание и быт человеческого существования, то дальнейшая эволюция человека должна сопровождаться процессами духовного прогресса.

Таким образом, в противовес трансгуманистической перспективе создания постчеловека – «сущности, развившейся из человека (или нескольких людей), которая столь сильно изменилась, что с современных позиций мы не назвали бы её человеком» [6] – центральным философским вопросом становится **сохранение и совершенствование духовной природы человека, его целостности и гуманности**. Ответственность за эту миссию ложится, в первую очередь, на представителей гуманитарной области знания. Вследствие чего частными насущными задачами сегодня становятся **задачи адаптации человека к техногенному миру и социуму, повышение уровня информационной культуры общества, рационализация и гуманизация взаимодействия в триаде «природа-человек-техника», в основе чего – с позиций социальной педагогики и психологии – лежат процессы безопасной, успешной и мобильной киберсоциализации человека**.

В гуманистической концепции А.М. Островского «субъект человеко-компьютерного взаимодействия рассматривается как целостная антропологическая модель без отрыва от социальной среды, конкретной познавательной парадигмы, культуры экологического мышления, содержания деятельности, её установок и системы личностной мотивации. Нарушение этой целостности непременно ведёт к рассогласованию интеракции человеко-компьютерного взаимодействия, когнитивному диссонансу субъекта и всеобщей дегуманизации» [3, С. 402-403].

Киберсоциализация как популярный в начале XXI века феномен онтологии современного общества актуализирует включённость человека в процессы глобальной технизации, компьютеризации, мобилизации, интернетизации, и позиционирует киберсоциализирующуюся человека как «*Homo Cyberus*»’а, базовая модель которого предполагает единство 4-х ипостасей современной личности [4, С. 25]:

- 1) объект киберсоциализации** (в аспекте влияния киберпространства на жизнедеятельность человека);
- 2) субъект киберсоциализации** (в аспекте удовлетворения/квазиудовлетворения человеком своих многочисленных потребностей в киберпространстве);
- 3) жертва киберсоциализации** (в аспекте возникновения негативных последствий в контексте социализации человека посредством киберпространства);
- 4) жертва неблагоприятных условий киберсоциализации** (в аспекте влияния опасностей киберпространства и их источников на человека).

Приоритетным направлением исследований в этой связи становится **нивелирование пагубного влияния факторов киберсоциализации на личность и преодоление негативных последствий киберсоциализации человека путем углубления субъект-объектных, субъект-субъектных отношений в киберпространстве при максимальном использовании его воспитательных и образовательных возможностей.**

Обозначенное направление, в первую очередь, является предметом исследования психолого-социальных наук, **онтологический базис** которых должен представлять собой совокупность аксиом, правил и/или норм психофизического состояния человека и социальных условий, отвечающих современной действительности, в контексте персональной и коллективной жизнедеятельности в киберпространстве и в условиях реальной социализирующей среды.

Киберсоциализация человека совершается в контексте использования возможностей сотовых (мобильных) телефонов, цифровых, компьютерных и интернет-технологий, непосредственно в ходе взаимодействия с агентами киберсоциализации (настоящими, виртуальными и киберагентами).

Исходя из того, что А.В. Мудрик под **агентами социализации** понимает людей, в непосредственном взаимодействии с которыми протекает жизнь человека [2, С. 51], можно свидетельствовать о наличии:

- **первичных агентов социализации** – непосредственное ближайшее окружение индивида: родители, близкие и дальние родственники, друзья семьи, сверстники, учителя, врачи и т.д.;
- **вторичных агентов социализации** – это, в первую очередь, воспитательные, государственные и частные, религиозные, добровольные (общественные) и контркультурные организации.

Исходя из этого, можно выделить следующих **агентов киберсоциализации**:

- 1. Агенты киберсоциализации первого порядка** – люди, с которыми человек взаимодействует посредством киберпространства, пользуясь его ресурсами.

Настоящими агентами киберсоциализации будут являться знакомые по условиям реальной жизнедеятельности люди, составляющие непосредственное окружение человека, с которыми он взаимодействует и в киберпространстве.

Виртуальными агентами киберсоциализации будут являться знакомые только по киберпространству люди, с которыми человек взаимодействует только в киберпространстве.

2. Агенты киберсоциализации второго порядка (кибераgentы) – большинство факторов киберсоциализации, представляющие собой конкретные ресурсы киберпространства, которыми пользуется человек в процессе киберсоциализации, ставшие по тем или иным причинам значимыми для него.

Так, **кибераgentами киберсоциализации человека** являются, например, предпочтаемые им для интернет-серфинга *браузер* (или используемые несколько браузеров), *электронная почта* (или используемые несколько почтовых ящиков), зарегистрированная на том или ином интернет-портале, *поисковая система интернет-среды* (или несколько), *блоги*, которые человек ведет и/или читает, *форумы интернет-среды*, на которых человек принимает участие в обсуждении тех или иных тем, определённые *интернет-магазины*, где человек предпочитает совершать покупки, избираемые им *социальные интернет-сети*, используемые им определённые *средства мгновенного обмена сообщениями*, а также излюбленные *файлообменные сети*, *компьютерные (и/или консольные) игры*, в которые он предпочитает играть, и непосредственно, сам *игровой персонаж* и т.д. Особую позицию, будучи кибераgentами, занимают сайты: новостные, издательства, журналов и газет, сайты-брэнды, сайты персоналий, спортивные, эrotического и порнографического содержания, знакомств и т.д. и т.п.

Для каждого конкретного человека кибераgentы могут быть значимыми и приоритетными или неприоритетными.

Киберсоциализация в настоящее время стала неотъемлемой частью социализации. Человек, осваивая просторы интернет-среды, используя сотовые (мобильные) технологии, включается в процесс киберсоциализации, в контексте которого также получают своё развитие навыки общения, усвоения индивидом образцов поведения, психологических установок, социальных норм и ценностей, знаний, навыков, позволяющих ему успешно функционировать как в киберпространстве, так и в условиях реальной жизнедеятельности. Для того чтобы в полной мере исследовать это влияние, **необходимо знать структуру данного феномена, в частности, знать его агентов, при взаимодействии с которыми происходит киберсоциализация.**

Исходя из предложенных А.В. Мудриком стадий социализации [2, С. 47], согласно нашим исследованиям 2010-2019 гг. доказано, что для юношеского возраста, когда человек вступает в устойчивую или концептуальную (целостную) стадию социализации, существует определённый набор кибераgentов (электронная почта, социальные интернет-сети, новостные сайты, средства мгновенного обмена сообщениями, поисковые системы, интернет-энциклопедии), который обусловлен их психолого-педагогическими особенностями развития личности и подготовкой к будущей профессиональной деятельности. **Отдельные исследования требуются для выявления значимых**

и приоритетных агентов киберсоциализации для детей (на стадии первичной социализации) и подростков (на стадии маргинальной социализации).

В рамках развивающей теории киберсоциализации также осуществляются (и необходимо их вдумчивое продолжение) исследования **средств киберсоциализации**:

- компьютера и сотового (мобильного) телефона;
- способов выхода в киберпространство, конкретно – сеть Интернет;
- языка и речи агентов киберсоциализации;
- стилей и содержания киберкоммуникации и отличий коммуникации посредством сотовой (мобильной) связи и в интернет-среде;
- приобщения человека к тем или иным ресурсам киберпространства и использования их для организации персональной жизнедеятельности и т.п.

Проводятся исследования и требуется дальнейшее детальное изучение механизмов киберсоциализации и их особенностей. При этом мы исходим из того, что механизмы киберсоциализации человека, обоснованные А.В. Мудриком, будут являть собой, в первую очередь, трансформированные механизмы социализации вообще:

- **психологические механизмы** (импринтинг, экзистенциальный нажим, подражание, идентификация, рефлексия);
- **социально-педагогические механизмы** (традиционный, институциональный, стилизованный, межличностный), в русле которых действуют психологические механизмы [2, С. 54-59].

В своей совокупности факторы, агенты и средства киберсоциализации представляют собой непосредственную социализирующую среду киберпространства, в рамках которой и осуществляется процесс киберсоциализации человека.

Список литературы

1. *Воинова О.И., Плешаков В.А.* Киберонтологический подход в образовании. Монография. / Под ред. В.А. Плешакова. – Норильск: Норильский индустриальный институт, 2012. – 244 с.
2. *Мудрик А.В.* Социализация человека: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: МПСИ, 2011. – 624 с.
3. *Островский А.М.* Социально-философские основания гуманизации человеко-компьютерного взаимодействия (Опыт междисциплинарного исследования): монография. – М.: Издатель Островский А.М., 2010. – 583 с.
4. *Плешаков В.А.* Теория киберсоциализации человека: монография / Под общ. ред. чл.-корр. РАО, д.п.н., профессора А.В. Мудрика. – М.: МПГУ; «Homo Cyberus», 2011. – 400 с.
5. Трансгуманизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Трансгуманизм>
6. Трансгуманизм. Словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.science.wikia.com/wiki/Трансгуманизм:Словарь>

ABOUT AGENTS AND MEANS OF CYBERSOCIALIZATION OF «HOMO CYBERUS»

Pleshakov Vladimir A., Voinova Olga I.

Abstract. In article it is told about the main models Homo-concepts. The basic model «Homo Cyberus» reveals and (the person who is cybersocialized). Agents of cybersocialization of the first and second order are designated. Fixed funds of cybersocialization are transferred.

Key words: cybersocialization, model of cybersocialization of the person, Homo Cyberus, agents of cybersocialization, means of cybersocialization, cyberontologic approach, Internet, Network.

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ СТАТЬИ:

Плешаков В.А., Воинова О.И. Об агентах и средствах киберсоциализации «Homo Cyberus» / В.А. Плешаков, О.И. Воинова // Электронный научно-публицистический журнал «Homo Cyberus». – 2019. – № 1 (6). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://journal.homocyberus.ru/Pleshakov_VA_Voinova_OI_1_2019

ГРУППЫ СВЕРСТНИКОВ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ¹

Мудрик Анатолий Викторович – доктор педагогических наук, член-корреспондент РАО, профессор, профессор кафедры социальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (Россия, г. Москва)

amudrik@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи – предложить характеристику групп сверстников, складывающуюся в интернет-пространстве, ибо в известных исследованиях эта проблема не ставится. Группы сверстников в онлайне понимаются как малочисленные объединения (от 2-3 до 5-7 человек), инкапсулированные на какой-либо интернет-площадке. Анализ исследований общения в Интернете и опрос информантов позволили выделить три типа групп, краткие характеристики которых даны в прилагающемся тексте.

Ключевые слова: группа сверстников, онлайн-общение, офлайн-общение.

Группу сверстников я трактую как объединение людей, хотя и различающихся по возрасту на год-два-три, но объединённых системой отношений, определёнными общими ценностями и/или интересами и отделяющих себя от других сверстников какими-либо признаками обособления, т.е. обладающих чувством «Мы» [6].

Группам сверстников, функционирующими в онлайне, посвящено огромное количество исследований отечественных учёных – педагогов, социальных психологов, социологов, криминологов и др.

В то же время создается впечатление, что **группы сверстников в онлайне до сих пор не стали предметом/объектом специальных исследований.**

Известные мне исследования, как отечественных, так и зарубежных авторов, посвящены в массе своей либо индивидуальному пользователю Интернета, либо пользователям его социальных сетей и их разновидностей [1; 2; 6; 7 и др.]. Т.е. исследуются взаимодействие с Интернетом и в Интернете индивидов и больших групп, оставляя в стороне такой феномен, как группы сверстников в приведённом выше понимании.

Это позволяет мне дать **описание групп сверстников в онлайне** на основании имеющихся исследований интернет-общения, содержащих элементы информации, которая может быть отнесена к знаниям о группах сверстников [1; 2; 3; 6 и др.]. Отбор этих знаний проводился с помощью группы экспертов-студентов магистратуры

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №17-06-00796-ОГН «Методологические основы создания социально-педагогических условий позитивной социализации учащихся».

факультета педагогики и психологии МПГУ в 2014-2018 гг. Кроме того, ряд студентов бакалавриата того же факультета выступили в роли информантов, сообщивших данные о своих и общеизвестных им других онлайн-группах сверстников.

В первую очередь следует обратить внимание на то, что принятые в исследованиях термины «друг», «френд», «фолловер» могут относиться к членам групп сверстников, но, как правило, они относятся к более широким интернет-сообществам, которые не подпадают под моё определение группы сверстников. Так, например, **френд – не друг и даже не приятель, а, скорее, член круга общения – знакомый по онлайну или «незнакомый» знакомый, что не синоним знакомого в офлайне, или подписчик на сообщения.** Количество френдов, например, во «ВКонтакте» может достигать 10 тысяч, а среднее количество – 200-300 человек [3]. Т.е. **френдленты – это не группы сверстников** в моём понимании.

Онлайн-группу сверстников можно трактовать как объединение небольшого количества пользователей (от трех до пяти-семи), инкапсулированное на одной из интернет-площадок. Естественно, что встречаются группы и несколько большие по количеству членов. Обычно онлайн-группы сверстников однополые и преимущественно мужские.

Довольно многообразны **типы онлайн-групп сверстников.** Так, в целом выявленные в исследовании группы явно распадаются на три типа.

Во-первых, **оффлайновые реальные группы сверстников, члены которых регулярно поддерживают контакты через Интернет.** Очевидно, что именно члены таких групп на вопрос «Вы предпочитаете виртуальное общение реальному?» в 80% случаев отвечают отрицательно. Общение в таких группах в онлайне имеет обычно утилитарный характер – обмен бытовой информацией, обсуждение планов совместного времяпрепровождения. Много времени могут занимать игры.

В то же время темами общения порой становятся события в близком окружении, а также иногда обсуждение конфликтных ситуаций в группе и/или у отдельных её членов с посторонними людьми. Довольно часто может обсуждаться сексуальная тематика, либо как продолжение разговоров в реале, либо как самостоятельные кейсы и информация. Это нередко позволяет преодолеть затруднения, связанные с обсуждением этой проблематики в реальном общении членов той или иной группы.

Во-вторых, **возникшая в чате или на других площадках группа сверстников, члены которой либо озабочены дефицитом реального общения, либо законтактировали на основе какого-либо интереса.** Подобные группы, общаясь в Сети некоторое время и получая от этого удовольствие, могут назначать встречу в реале. Если эта встреча (или несколько встреч) подтверждают положительное впечатление от предыдущего онлайн-общения, то группа инкапсулируется и продолжает общаться и в офлайне, и в онлайне. Необходимым, но не единственным условием появления группы такого типа является локация её членов – она должна создавать возможности для их реальной встречи в досягаемом для них месте (кафе, боулинг и пр.).

В-третьих, **группа сверстников, возникшая в онлайне (как правило, только для общения), члены которой либо удалены географически друг от друга (что лишает их возможности встречаться), либо они изначально не стремятся и/или**

не рассчитывают на онлайн-общение, предпочитая роль «анонимусов». Именно такого рода группы ищут или создают подростки, юноши и девушки, страдающие от застенчивости в онлайн-общении, а также не нашедшие приятельской или дружеской группы в онлайне или вступившие в конфликт вплоть до разрыва с реальной группой. Есть данные о том, что в такие группы стремятся в частности те, у кого наблюдаются остро конфликтные отношения с родителями.

Группы сверстников второго и третьего типов имеют довольно много общих характеристик. В первую очередь следует назвать такие, как свобода входа и выхода, а также неформализованный характер – отсутствие модератора/администратора. Однако в каждой группе выделяется лидер (более или менее явный).

Члены группы сверстников второго и третьего типов имеют разные мотивы для вхождения: от преодоления одиночества и поиска содержательного общения до простого заполнения времени. Различается степень включённости в групповую жизнь: у одних – час-два в день, у других – два-три раза в неделю по паре часов, у третьих – ежедневное многочасовое общение.

Далее следует отметить **свойственные онлайн-общению особенности** (на многие из них указывают и различные исследователи [3; 4; 7]):

- **отсутствие барьеров**, неотъемлемых для реального общения по полу, возрасту (поэтому в группу может входить человек существенно старшего, а иногда младшего возраста), особенности внешности, статус семьи (в первую очередь экономический, но и не только), уровень коммуникативных умений (главным образом, вербальных);
- несколько **специфические стиль общения** и речевые (а точнее, текстовые) характеристики – сочетание общепринятого языка среды пользователей с подростково-юношеским жаргоном и элементами интернет-субкультурных языков, а также, порой, сложившиеся в процессе общения внутригрупповые особенности речи/текстов и искажение орфографии;
- **большая свобода высказываний** и возможность обсуждения тем, которые табуированы социально или индивидуально (от сексуальных проблем до специфических для возраста, социокультурной и этноконфессиональной принадлежности); анонимность позволяет высказывать эпатажные суждения – излагать идеи, которые сам пользователь не разделяет и даже не одобряет, и т.д.

Особенностью онлайн-общения является то, что в нём отсутствует аура, которая придает смысл или некий флер общению в реальности (использование смайликов не решает проблемы).

В целом у пользователей – подростков, юношей и девушек – можно выделить набор ожиданий к общению в онлайн-группе сверстников: доверие (возможность и желание доверять свои секреты и делиться переживаниями), общие интересы и интерес друг к другу, принятие и одобрение друг друга, помочь советами в решении проблем (отношения к себе и с собой, с родителями, со сверстниками своего и противоположного пола, с учителями и другими людьми).

Список литературы

1. Веселова В.В. Информационно-коммуникационные технологии как субъект процесса социализации // Социальная педагогика в современных социальных практиках. – Арзамас, 2016. – С. 71-79.
 2. Войскунский А.Е. Психология и Интернет. – М., 2010.
 3. Дети в информационном обществе. Электронный журнал №№ 6, 22, 23, 24.
 4. Костина А.В. Интернет-сообщество: что обсуждается в Интернете? От думеров до фурри. От игнора до троллинга. – М., 2017.
 5. Кронгауз М. Самоучитель Олбанского. – М., 2013.
 6. Мудрик А.В. Социализация человека. – М.-Воронеж, 2011.
 7. Плещаков В.А. Теория киберсоциализации человека. – М., 2011.
 8. Соловей А.П. Виртуальные сообщества как особая форма социальной интеграции // Психология, социология и педагогика. – 2014. – № 6 (33).
-

PEER GROUPS IN CYBERSPACE

Mudrik Anatoliy V.

Abstract. The purpose of the article is to offer a description of peer groups, emerging in the Internet space, because in well – known studies this problem is not raised. Groups of peers online are understood as small associations (from 2-3 to 5-7 people), encapsulated on any Internet site. The analysis of the research of communication on the Internet and the survey of informants allowed to identify three types of groups, brief characteristics of which are given in the attached text.

Key words: peer group, online communication, offline communication.

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ СТАТЬИ:

Мудрик А.В. Группы сверстников в киберпространстве / А.В. Мудрик // Электронный научно-публицистический журнал «Homo Cyberus». – 2019. – №1 (6). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://journal.homocyperus.ru/peer_groups_in_cyberspace

ОСНОВЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ В ПРОЦЕССЕ КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИИ

Захарьящева Ольга Алексеевна – педагог-психолог в государственном казенном учреждении Рязанской области «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи» (Россия, г. Рязань)

oakuzin1@bk.ru

Аннотация. В статье обобщен опыт работы с детьми, родителями и педагогами в рамках психолого-педагогического сопровождения учащихся в процессе киберсоциализации. Представлены четыре этапа детской киберсоциализации: созерцательный, познавательный, активный и созидательный. Описаны возможные результаты системной работы по формированию адаптивных моделей поведения в киберпространстве.

Ключевые слова: киберсоциализация, стадии детской киберсоциализации, психолого-педагогическое сопровождение, киберонтологический подход, киберпсихология, Интернет.

В последние годы перед образовательной системой остро стоит вопрос обеспечения безопасности детей и подростков в Интернете. Среда, как фактор, влияющий на становление личности, в связи с техническим прогрессом значительно расширилась за счет киберпространства, что, в свою очередь, требует новых воспитательных решений и методов работы.

Развитие современного информационного общества, определяющего как основную ценность хранение и обработку информации, также меняет представление об ожидаемых результатах образования [3]. Таким образом, возникают противоречия между существующими методами воспитания и потребностями социума, что нашло своё отражение в стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Одной из задач данной стратегии является повышение эффективности воспитательной деятельности в системе образования субъектов Российской Федерации [10].

Мы полагаем, что эффективным решением проблемы безопасности детей в Интернете является своевременная профилактика и формирование адаптивных моделей поведения учащихся в киберпространстве. С этой целью были разработаны методы психолого-педагогического сопровождения обучающихся в процессе киберсоциализации, учитывающие психовозрастные особенности детей и условия их образования.

Киберсоциализация человека в данной работе понимается как «процесс качественных изменений структуры самосознания личности и потребностно-

мотивационной сферы индивидуума, происходящий под влиянием и в результате использования человеком современных информационно-коммуникационных цифровых и компьютерных технологий в контексте усвоения и воспроизведения им культуры в рамках персональной жизнедеятельности» [7, С. 24].

Под сопровождением подразумевается метод, обеспечивающий создание условий для принятия учащимся (субъектом развития) оптимальных решений в различных ситуациях жизненного выбора [9].

В своей работе **психолого-педагогическое сопровождение обучающихся в процессе киберсоциализации** мы понимаем как целенаправленный процесс формирования, развития и поддержки адаптивных моделей поведения детей в киберпространстве на протяжении всего периода получения среднего образования.

Осуществлять данное сопровождение могут педагоги-психологи, социальные педагоги, учителя, воспитатели и классные руководители на дошкольной, начальной, основной и средней ступенях образования.

В разработке сопровождения мы ориентируемся на **киберонтологический подход в образовании** [2]. Согласно данному подходу: «*процесс образования человека определяется условиями его жизнедеятельности и взаимодействия с самим собой, с другими людьми и миром в целом в контексте интеграции классической объективной (материальной) реальности и инновационной альтернативной реальности киберпространства (киберреальности), обе из которых потенциально и реально влияют на становление и трансформацию субъективной (явления психики) реальности*» [6, С. 18-19].

Также в своей практике мы опираемся на **киберонтологическую концепцию развития личности и жизнедеятельности человека** [6] и на **основы киберпсихологии**, как «*методологии, теории и практики исследования видов, способов и принципов применения людьми социальных сервисов Интернета*» [1, С. 88]

Целью психолого-педагогического сопровождения обучающихся в процессе киберсоциализации является создание условий для благоприятной киберсоциализации учащихся, способных адаптироваться в условиях информационного общества посредством конструктивного общения в глобальной сети Интернет и самореализации через цифровое творчество. Для того чтобы методы сопровождения соответствовали психовозрастным особенностям и условиям образования детей, мы условно разделили процесс детской киберсоциализации на четыре этапа.

Первый этап – созерцательный, он соответствует дошкольному периоду образования.

Второй этап – познавательный, он соответствует начальной ступени образования.

Третий этап – активный, он соответствует основной ступени образования.

Четвертый этап – созидательный, он соответствует средней ступени образования.

Остановимся подробнее на каждом этапе киберсоциализации.

Созерцательный этап является началом киберсоциализации ребёнка.

В период младенчества, когда ведущим видом деятельности является общение со значимым взрослым, и в раннем детстве, когда ведущим видом деятельности является предметно-манипулятивная деятельность [9], **вводить ребёнка в цифровой мир не рекомендуется**. Статические позы и зрительное напряжение при использовании телефонов и планшетов могут негативно сказаться на двигательном и речевом развитии ребёнка. **Созерцательный этап киберсоциализации приходится на период дошкольного образования ребёнка.** Ведущим видом деятельности ребёнка в этот период является ролевая игра, которая может быть дублирована в киберпространстве, но важны социальное взаимодействие детей и их двигательная активность [9], поэтому перенос ведущего вида деятельности в плоскость киберсреды нежелателен.

Функциями педагога-психолога на этом этапе является **профилактика излишней увлечённости детей гаджетами** посредством развивающих занятий и специальных мультфильмов, интерактивных форм работы с использованием цифровых технологий, просвещение родителей, консультирование семей, столкнувшихся с трудностями в процессе киберсоциализации ребёнка.

Функциями педагогов является **установление правил использования цифровых технологий** в условиях дошкольного учреждения, конструктивное использование гаджетов на занятиях и просвещение родителей относительно условий благоприятной киберсоциализации.

Функциями родителей является чёткое **установление правил пользования гаджетов ребёнком** в соответствии с психовозрастными нормами, а также конструктивное использование цифровых технологий в процессе жизнедеятельности.

Результатом организованного таким образом сопровождения является усвоение ребёнком **конструктивного опыта пользования гаджетами** на примере окружающих взрослых, усвоение правил и элементарное умение использования коммуникативно-цифровых технологий.

Основной задачей взрослых на созерцательном этапе киберсоциализации ребёнка является трансляция конструктивного опыта работы и досуга с помощью гаджетов.

Следующий этап – познавательный – приходится на период начальной школы. Ведущим видом деятельности младшего школьника является учение [9], поэтому важно, чтобы он овладел цифровыми средствами познания, что расширит его учебные возможности.

Функциями педагога-психолога на этом этапе является **диагностика уровня вовлечённости детей в киберпространство**, информирование родителей о способах благоприятной киберсоциализации, профилактика негативных последствий использования Интернета детьми путём развивающих занятий, консультирование семей, столкнувшихся с трудностями в процессе киберсоциализации ребёнка.

Функциями педагогов является **воспитание основ культурного общения**, ознакомление детей в рамках внеурочной деятельности с устройством глобальной сети Интернет и этическими нормами цифровой коммуникации.

Функциями родителей является оптимизация правил пользования современными технологиями соответственно возрасту ребёнка, увеличение времени использования гаджетами в учебных и досуговых целях, создание ситуации выбора, контроль деятельности ребёнка в киберпространстве.

Результатом сопровождения познавательного этапа киберсоциализации является усвоение детьми правил поведения в киберпространстве и сетевых этических норм, использование интернет-ресурсов в учебных и досуговых целях, усвоение знаний об устройстве глобальной сети Интернет.

Далее ребёнок переходит на среднюю ступень образования и начинается **активный этап киберсоциализации**. Ведущим видом деятельности подростка является общение со сверстниками [9], что в нашу эпоху киберсоциализации теперь отражается в плоскости интернет-среды. В этом возрасте дети интенсивно осваивают социальные сети Интернета, создают аккаунты и ведут их.

Функциями психолога на активном этапе киберсоциализации подростка является **диагностика уровня вовлеченности детей в пространство социальных интернет-сетей**, консультирование, как семей, испытывающих трудности с киберсоциализацией ребёнка, так и самих подростков, проведение групповых занятий по развитию адаптивных моделей поведения в Интернете.

Функциями педагогов на этом этапе является **информирование родителей и детей о безопасном Интернете**, проведение классных часов, родительских собраний, оформление стендов, разработка буклетов совместно с учащимися, информирование о правовых аспектах пользования Сетью.

Функциями родителей является **установление правил пользования Интернетом на основе доверительных отношений**, постепенное ослабление контроля и формирование самоконтроля подростка относительно деятельности в Сети.

Результатом активного этапа киберсоциализации является умение подростка безопасно и конструктивно общаться в социальных интернет-сетях, использование ресурсов Интернета для саморазвития и профориентации, осознание правовой основы своей деятельности в Сети, осознание имиджевого значения своих страниц в различных социальных интернет-сетях.

Завершающим этапом детской киберсоциализации является созидательный этап киберсоциализации, который приходится на среднюю ступень образования. Подростки входят в юношеский возраст, когда формируются нравственные идеалы и жизненные ориентиры [9].

Функциями психолога на данном этапе является профориентация с помощью расширенных возможностей киберпространства, консультирование учащихся, испытывающих трудности в процессе киберсоциализации, диагностика сформированности результатов прошлых этапов.

Функциями педагогов является также **профориентация, проектная цифровая деятельность совместно с учащимися**, поддержка учащихся в их творческих проектах.

Функциями родителей является минимизация контроля в социальных интернет-сетях и поддержка творческих проектов детей в Интернете.

Результатом созидательного этапа киберсоциализации является умение учащихся создавать творческий цифровой продукт, а также использование ресурсов Интернета на благо себе и общества.

При достижении вышеизложенных результатов, поставленная цель психолого-педагогического сопровождения учащихся в процессе киберсоциализации – **создание условий для благоприятной киберсоциализации учащихся, способных адаптироваться в условиях информационного общества посредством конструктивного общения в глобальной сети Интернет и самореализации через цифровое творчество** – будет достигнута.

Следует отметить, что в реализации данного вида психолого-педагогического сопровождения важны соблюдение последовательности этапов и их преемственность, что позволяет, в первую очередь, **учесть потребности развивающейся личности как человека киберсоциализирующегося** [5]. Также этот процесс дает возможность ответить на запрос современного цифрового общества [4]. Учащийся, овладевший навыками продуктивной интернет-коммуникации, умеющий создавать киберпродукт, будет более подготовлен к условиям труда и развитию цифровой экономики в информационном социуме. Таким образом, мы считаем, что **профессионально организованное психолого-педагогическое сопровождение учащихся в процессе киберсоциализации является основой безопасности детей и подростков в Интернете, а также вносит вклад в решение проблемы становления личности в условиях цифрового общества.**

Список литературы

1. Войскунский А.Е. Киберпсихология как раздел психологической науки и практики // Universum: Вестник Герценовского университета: журнал. – 2013. – № 4. – С. 88-90.
2. Воинова О.И., Плешаков В.А. Киберонтологический подход в образовании: монография / Под ред. В.А. Плешакова; Норильский индустр. ин-т. – Норильск: НИИ, 2012. – 244 с.
3. Иноземцев В.Л. Постиндустриальный мир Даниела Белла // Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 2004. – С. 6-85.
4. Науменко Т.В. Методологический анализ концепции информационного общества // Информационное общество. – 2018. – № 2. – С. 6-10.
5. Плешаков В.А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'а до Homo Cyberus'а: монография. – М.: МПГУ, «Прометей», 2012. – 212 с.
6. Плешаков В.А. Киберонтологическая концепция развития личности и жизнедеятельности человека в XXI в. и проблемы образования // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: Педагогика. Психология. – 2014. – Вып. 4 (35). – С. 9-22.
7. Плешаков В.А. Теория киберсоциализации человека. Монография. / Под общ. ред. чл.-корр. РАО, д.п.н., профессора А.В. Мудрика. – М.: МГПУ; «Homo Cyberus», 2011. – 400 с.

8. Шипицына Л.М., Казакова Е.И., Жданова М.А. Психолого-педагогическое консультирование и сопровождение развития ребенка: пособие для учителя – М.: ВЛАДОС, 2003. – 528 с.
 9. Эльконин Д.Б. Детская психология: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. – 6-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2011. – 384 с.
 10. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 N 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». КонсультантПлюс – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402
-

BASIS OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ACCOMPANIMENT OF STUDENT'S CYBERSOCIALIZATION

Zahariyashcheva Olga A.

Abstract. The work with children, parents and teachers within psychological and pedagogical accompaniment of student's cybersocialization are reflected in the article. Contemplative, cognitive, active and creative stages of child's cybersocialization are represented. The possible results of systematic work on the formation of adaptive behavior models in cyberspace are described.

Key words: cybersocialization, stages of child's cybersocialization, psychological and pedagogical accompaniment, cyberontologic approach to education, cyberpsychology, Internet.

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ СТАТЬИ:

Захарьева О.А. Основы психолого-педагогического сопровождения детей в процессе киберсоциализации / О.А. Захарьева // Электронный научно-публицистический журнал «Homo Cyberus». – 2019. – № 1 (6). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://journal.homocyperus.ru/ZahariyashchevaOA_1_2019

КИБЕРБУЛЛИНГ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ МЛАДШЕГО ПОДРОСТКА

Мардахаев Лев Владимирович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Российского государственного социального университета (Россия, г. Москва)

mantissa-m@mail.ru

Гречкина Марина Эдуардовна – магистрант Российского государственного социального университета (Россия, г. Москва)

meri3934@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются кибермоббинг и кибербуллинг как информационные технологии психологического террора несовершеннолетних, рассматривается их влияние на последующую социализацию (киберсоциализацию) всех его участников. Охарактеризована социализация, факторы, существенно влияющие на её развитие, а также особенности проявления. Выделена и охарактеризована ситуативная социализация (ресоциализация) кибербуллинга несовершеннолетнего, как явление с учётом её влияния на всех участников: жертвы, субъекта, соучастников и безразличных свидетелей.

Ключевые слова: кибермоббинг, кибербуллинг, киберсоциализация, социализация, ресоциализация, ситуативная социализация кибербуллинга, младший подростковый возраст.

B отечественной и мировой практике нередко в подростково-молодёжной среде проявляются такие явления, которые получили название моббинг и буллинг.

Моббинг (от англ. *mob* – толпа) – это своего рода психологический террор, включающий систематически повторяющееся враждебное и неэтичное отношение одних людей, направленное против других (обычно против одного человека) [10]. Например, моббинг против новичка. Одним из исследователей этого явления с 1980 года является норвежский учитель Эрлинг Георг Руланн Он и его коллеги являются авторами антимоббинговых программ, которые признаны во многих странах мира.

В специальной литературе выделяют такое понятие как школьный моббинг – это разновидность эмоционального насилия в школе, когда класс или большая часть класса ополчается на кого-то одного и начинает его травить с какой-либо целью [1; 3] (пример подобного явления представлен в фильме «Чучело»).

Формы моббинга: насмешки над физическими недостатками, изоляция, отвержение, подразнивание, толкание, высмеивание одежды и т.д.

Термин «**буллинг**» (от англ. *bull* – бык; *bully* – хулиган, драчун, задира, грубиян, насильник) – это систематическое, регулярно повторяющееся насилие, травля со стороны одного ученика или группы детей в отношении отдельного школьника, который не может себя защитить (Е. Руланд) [13]. Цель буллинга – затравить жертву, вызвать у неё страх, деморализовать, унизить, подчинить. Преследователи (обидчики) дают ребёнку неприятные прозвища, обзывают, бойкотируют, угрожают, отбирают личные вещи или намеренно портят их, бьют или пинают, заставляют делать неприглядные и оскорбляющие достоинство действия, распространяют лживые сведения, сплетни и слухи, исключают ребенка из круга общения, совместных занятий, игр, игнорируют и т.д.

Анализ литературы и источников [12] свидетельствует о том, что **понятия «моббинг» и «буллинг» схожие – это травля**. В то же время буллинг отличается от моббинга тем, что в роли преследователя выступает не весь класс, а конкретный ученик или группа детей, которые имеют авторитет и влияние на других.

С развитием информационных технологий появились и новые возможности психологического террора, давления, травли детей, подростков и молодёжи, которые получили названия **«кибермоббинг» и «кибербуллинг»**.

Кибермоббинг (от англ. *cybermobbing*) и **кибербуллинг** (от англ. *cyberbullying*) – **интернет-травля** – это намеренные оскорблении, угрозы, сообщение другим компрометирующих данных с помощью современных средств коммуникации: компьютеров, мобильных телефонов, электронной почты, Интернета, социальных интернет-сетей, блогов, чатов и т.д. Осуществляются они также через показ и отправление резких, грубых или жестоких текстовых сообщений, передразнивание жертвы в режиме онлайн, размещение в открытом доступе личной информации, фото или видео с целью причинения вреда или смущения жертвы; создание фальшивой учётной записи в социальных интернет-сетях («фейковой страницы»), электронной почты, веб-страницы для преследования и издевательств над другими от имени жертвы и т.д.

Развитие информационных технологий расширило спектр возможностей их использования в интернет-травле несовершеннолетних и способствовало появлению специальных исследований, направленных на выявление различных видов проявления кибербуллинга и его характеристик. Таких **видов кибербуллинга** сложилось много, среди них следует выделить:

- **флэйминг** (*flaming*) – конфликт, основанный на обмене оскорбительными репликами между оппонентами;

- **нападки** (*harassment*) – поток сообщений оскорбительного характера, поступающих на один, а часто – на несколько каналов коммуникации жертвы сразу;

- **клевета** (*denigration*) – введение в заблуждение ближайшего окружения жертвы с помощью разного вида сообщений, фото и т.п.;

- **самозванство** (*impersonation*) – использование личной информации жертвы: к примеру, паролей к аккаунтам в социальных интернет-сетях для осуществления коммуникации от имени жертвы (часто негативного или провокационного характера);

- **надувательство** (*trickery*) – выманивание личной информации жертвы с целью её распространения или использования в качестве шантажа;
- **отчуждение** (*ostracism*) – намеренное отстранение/исключение жертвы из социальной группы в интернет-пространстве;
- **киберпреследование** (*cyber-stalking*) – преследовать, выслеживать – выслеживание жертвы с использованием ресурсов сети Интернет для последующего осуществления насилия/шантажа и т.д.;
- **хеппислепинг** (*happy slapping*) – любое проявление физического или вербального насилия, записанное на видео и размещенное в Интернете с целью высмеивания жертвы [2];
- **троллинг** (от англ. *trolling* – из сленга участников виртуальных сообществ – «ловля рыбы на блесну») – размещение в Сети на коммуникативных ресурсах провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтной обстановки путём нарушения правил этического кодекса интернет-взаимодействия;
- **холивары** (от англ. *holy war* – «священная война») – бесцельная конфронтация, обмен сообщениями на интернет-форумах, в чатах, представляющий собой бесплодную полемику, в которой участники яростно пытаются навязать друг другу свои точки зрения;
- **хейтинг** (*hate*) – негативные комментарии и сообщения, иррациональная критика в адрес конкретного человека или явления, часто без обоснования своей позиции;
- **грифинг** (*griefers*) – целенаправленное преследование других игроков в онлайн-играх, с целью не победить, а лишить удовольствия от игры других геймеров, активно используя брань, блокируя отдельные области игры и открыто мошенничая и пр.;
- **секстинг** (*sexting*) – рассылка или публикация фото- и видеоматериалов с обнаженными и полуобнаженными людьми [12].

Как показывают данные исследований [3], полученные в школьном возрасте психологические травмы могут обернуться вполне серьёзными взрослыми проблемами, существенно влияющими на образ жизни и возможности в самореализации всех участников кибербуллинга. Данный факт свидетельствует о том, что травля в эти годы не проходит бесследно для всех её участников (жертвы, преследователя (преследователей), наблюдателей), и её последствия сказываются почти на протяжении всей жизни каждого из них. Не случайно в специальной литературе введён термин «киберсоциализация». Термин предложен в 2005 году В.А. Плешаковым.

«Киберсоциализация человека (от англ. *Cyber* – общий универсальный префикс, объединяющий в группу префиксы *e-*, *i-*, *net-*, *info-*, *techno-*, *computer-*, *media-*, *internet-*, *virtual-* и т.п., + англ. *Socialization* – социализация) – социализация личности в киберпространстве – процесс качественных изменений структуры самосознания личности и мотивационно-потребностной сферы индивидуума, происходящий под влиянием и в результате использования человеком современных информационно-коммуникационных, компьютерных, электронных, цифровых, мультимедиа, мобильной сотовой связи и интернет-технологий в контексте усвоения и воспроизведения им культуры в рамках персональной жизнедеятельности» [4].

Учитывая, что кибербуллинг и кибермоббинг представляют собой использование интернет-ресурсов посредством создания определённой

деструктивной среды с целью травли конкретного пользователя, возникает необходимость выявить и раскрыть их влияние на социализацию всех его участников.

Прежде всего следует отметить, что социализация человека представляет собой *«естественный, закономерный процесс социального развития, определяющий личностное становление человека, направленность и качественное самоизменение его социальности на протяжении всей жизни. Она является следствием реализации социальности конкретного человека, обуславливающей его социальное становление и дальнейшее самоизменение, под воздействием социокультурной среды жизнедеятельности, воспитания, воздействия на него различных факторов, а также направленной самоактивности»* [9].

Анализ представленного определения позволяет утверждать, что социализация несовершеннолетнего, а также всех, кто в той или иной степени вовлечен в ситуацию кибербуллинга, обусловлена совокупностью факторов:

- внутренних: социальность человека; мотивация и отношение к чему-либо; направленность, интенсивность и время самоактивности;
- внешних: среда жизнедеятельности; воспитание; воздействие различных факторов, в том числе: взгляды, реплики, суждения, различные информационные сообщения и пр.

Внутренние факторы, характеризующие социальное своеобразие несовершеннолетнего, позволяют выявить и охарактеризовать деструктивные изменения его социальности, происходящие под влиянием кибербуллинга. Оно представляет собой качественные изменения социального в личности, как существа разумного, которые находят отражение в:

- *развитии сферы сознания* (особенностей восприятия и отношения к окружающей действительности и самому себе, а также обусловленные ими складывающиеся убеждения, идеалы, ценностные ориентации);
- *своебразии культуры* (изменения норм и правил средового поведения);
- *изменении социоролевого положения* несовершеннолетнего в социуме;
- *изменения отношений к миру вещей и явлений*, обусловленные деструктивными изменениями и эмоционального благополучия;
- *накоплении опыта социального поведения* в определённой социокультурной среде.

Эти изменения обусловлены влиянием кибербуллинга на социализацию (ресоциализацию) всех, кто вовлечен в сложившуюся ситуацию. Данный факт диктует необходимость выделить и проанализировать само явление кибербуллинга и сопровождающие его факторы. Для этого следует выделить и охарактеризовать *ситуативную социализацию (ресоциализацию) кибербуллинга несовершеннолетнего как явление* [7]. Ситуативная социализация представляет собой качественную характеристику, с одной стороны, своеобразия социальности всех участников кибербуллинга (объекта кибербуллинга, субъекта его организации, соучастников его развития, свидетелей, проявляющих безразличие к складывающейся, сложившейся ситуации), с другой, – социума, в котором находится ребёнок, обусловленного кибербуллингом, а с третьей – способности объекта кибербуллинга противостоять факторам риска в среде

жизнедеятельности. Другими словами, **ситуативная социализация (ресоциализация) кибербуллинга требует учёта:**

1. Своеобразия социальности всех участников кибербуллинга:

- объекта кибербуллинга (жертвы);
- субъекта организации кибербуллинга по отношению к кому-либо;
- соучастников кибербуллинга;
- свидетелей, проявляющих безразличие к складывающейся, сложившейся ситуации в следствии кибербуллинга.

2. Социализирующей среды, в которой находятся участники кибербуллинга.

3. Способности жертвы кибербуллинга противостоять факторам риска в среде жизнедеятельности.

При анализе влияния кибербуллинга на каждого из его участников следует учитывать совокупность выделенных выше факторов: социальность личности, её участие в порождаемой кибербуллингом среде. Это требует субъектного подхода к анализу: субъект как жертва кибербуллинга; субъект как организатор кибербуллинга; субъект как соучастник кибербуллинга и субъект как сторонний наблюдатель кибербуллинга.

Объект кибербуллинга – жертва. По данным исследователей [3] буллинг не зависит от пола, роста, национальности или предпочтений. **Жертвой кибербуллинга может стать любой ребёнок, подросток, молодой человек, даже если он физически и интеллектуально развит.** Повод для этого может быть любым или вовсе отсутствовать. Объектом кибербуллинга, как и буллинга, чаще всего выбирают тех, кто отличается от других детей и не может себя защитить. Для этого достаточно приkleить ребёнку ярлык: «тупой», «очкиарик», «хромой», «длинный», «коротышка» и т.д. Нередко кибербуллинг используется отдельными лицами для сведения счета с кем-либо в ситуации ревности, зависти, способа наказать, отыграться, показать свою значимость, величие и одновременно безнаказанность. ВОЗ пришла к выводу, что насилию со стороны сверстников в России подвергаются 20% детей в возрасте от 10 лет, 19% 13-летних, а к 15 годам количество истязаемых детей снижается до 13% [3].

Кибербуллинг в основном проявляется через психологическое воздействие на человека – насилие, связанное с действием на психику, наносящее психологическую травму путём оскорблений или угроз, преследование, запугивание, которыми умышленно причиняется эмоциональная неуверенность, страх, которые сопровождаются внутренним дискомфортом. Подобного рода насилие может привести его к серьёзным психическим проблемам. Последствия такого воздействия сказываются на личности жертвы: ребёнок неохотно идет в школу и ищет любой повод, чтобы не ходить туда; возвращается из школы подавленным; никогда не упоминает никого из одноклассников; очень мало говорит о своей школьной жизни; не знает, кому можно позвонить, чтобы узнать уроки, или вообще отказывается звонить кому-либо; одинок: его никто не приглашает в гости, на дни рождения, он никого не хочет позвать к себе и пр.

Учитывая, что **кибербуллинг особенно активно реализуется в подростковой среде**, следует подчеркнуть, что это переходный период от детства к взрослости. Именно в данный период происходит изменение ведущей деятельности с учебной на общение

со сверстниками. Основными характеристиками учебной деятельности являются: результативность, обязательность, произвольность. Общение подростка со сверстниками характеризуется: постоянной сменой круга интересов/компаний, экспериментами в стиле общения с окружающими. Главная особенность данного переходного периода заключается в желании подростка найти своё место в обществе. Он активно расширяет сферу удовлетворяющего его общения, не только в школе, но и за её пределами. В этих условиях именно интернет-пространство становится наиболее привлекательной средой общения, где младший подросток сможет найти понимание и поддержку.

Как свидетельствует практика, Интернет становится для подростков частью социокультурной среды общения. Следовательно, от её культурно-содержательной направленности зависит социализация, десоциализация или ресоциализации личности. Кибербуллинг целенаправленно создаёт деструктивную (виктимизирующую) среду по отношению к конкретному воспитаннику (своей жертве).

Социализирующая среда, в которой находятся жертва и другие участники кибербуллинга. В ситуации кибербуллинга среда по отношению к жертве (объекту влияния), а также для всех её участников носит деструктивный (виктимный, виктимизирующий, опасный) характер. **Виктимизация** (от лат. *victime* – жертва) – это процесс социально-психологических изменений личности человека под влиянием совокупности негативных внешних условий и факторов, способствующих его превращению в тот или иной тип жертв неблагоприятной социализации (термин введён А.В. Мудриком) [11, С. 202].

Виктимизирующая ситуация развития социализации несовершеннолетнего как явление – это конкретная ситуация с учётом всей совокупности факторов, определяющих её деструктивный характер по отношению к конкретному воспитаннику в момент её оценки. Чем дольше по времени находится в подобной ситуации несовершеннолетний, тем большее испытывает он виктимизирующее влияние. Виктимизирующая ситуация выступает как процесс, способствующий десоциализации.

Виктимизирующая ситуация развития социализации несовершеннолетнего как процесс – это своеобразие деструктивного протекания качественно-количественных изменений в социальности человека под воздействием виктимной социокультурной среды. Она помогает выделить динамику деструктивного (десоциализирующего) развития конкретного воспитанника, а также особенности деструктивного ресоциализирующего изменения. Такая информация позволяет определять пути влияния на деструктивный процесс и придачи ему конструктивности в ресоциализации несовершеннолетнего.

Виктимизирующая среда, формируемая в процессе кибербуллинга, создаёт у жертвы эмоциональную неуверенность, страх, которые существенно сказываются на его образе жизни, типичном проявлении, что ведёт к десоциализации, которая сопровождается ресоциализацией, обусловленной новой ситуацией и деятельностным проявлением. **Характер десоциализации и направленность ресоциализации во многом определяются способностью жертвы кибербуллинга противостоять факторам риска в среде жизнедеятельности.** Неразвитость или недостаточная развитость этих способностей может привести жертву к серьёзным психическим последствиям.

Субъект организации кибербуллинга. В специальной литературе тех, кто травит кого-либо, называют «мобберами», «троллерами», «булли» [10]. В социальной педагогике такого человека называют виктимизатором (виктимизирующим). Такие люди часто действуют анонимно, и жертва может не знать, от кого происходят агрессивные действия. В этой ситуации **виктимизатор** **чувствует своё превосходство, защищённость, удовлетворённость от того, что он смог унизить другого**. По существу это деятельностное проявление субъекта, которое носит ресоциализирующий характер, негативно сказываясь на формируемой личности. Для такого человека нравственные нормы во взаимоотношениях не имеют смысла, главным для него становится проявить свою власть над другим (другими). Это качество у виктимизатора с возрастом приобретает ещё большую омерзительность.

Соучастники кибербуллинга. Это лица, которые в той или иной степени включаются в кибербуллинг и своими действиями усиливают его деструктивное влияние на жертву. Включённость несовершеннолетних в деструктивную деятельность также носит ресоциализирующий, негативно выраженный характер. Такие дети проявляют «стадность», они стараются делать «как все», не задумываясь над тем, что по отношению к другому проявляют жестокость, и что сами могут оказаться в подобной ситуации. Они заражаются ситуацией кибербуллинга и становятся, как и инициатор, виктимизаторами по отношению к жертве. Им начинает нравиться травмировать другого, они нередко завидуют инициатору виктимизации. **Последствия для соучастников ситуации кибербуллинга также носят деструктивный характер.**

Характерно, что в другой ситуации участники кибербуллинга сами способны инициировать кибербуллинг по отношению к тому, кому завидуют, кого хотят наказать, над кем хотят потешаться.

Свидетель, проявляющий безразличие к складывающейся, сложившейся ситуации вследствие кибербуллинга. При характеристике несовершеннолетних, проявивших безразличие, равнодушные к жертве кибербуллинга, справедлива мысль, представленная Бруно Ясенским в романе «Заговор равнодушных»: «*Не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать. Не бойся врагов – в худшем случае они могут тебя убить. Но бойся равнодушных – они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия совершаются на земле все самые низкие преступления*». Ситуация кибербуллинга не проходит бесследно для людей безразличных. Они утверждают в том, что это не их дело и для их благополучия лучше всего сделать вид, что они не в курсе и им безразлично.

Таким образом, можно утверждать, что **для всех участников ситуации кибербуллинга создается неблагоприятная среда для социализации**. Необходимо как можно раньше выявлять подобные явления и решительно их пресекать, используя и административный, и воспитательный потенциал.

Список литературы

1. Буллинг в школе: причины, последствия, помочь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.b17.ru/blog/71131> (дата обращения 17.05.19)

2. Волкова И.В. Характеристика подросткового буллинга и его определение / И.В. Волкова // Вестник Минского университета. – 2016. – № 2. – С. 26-33.
3. Гребенникова О.А., Добролюбова М.И. Буллинг в образовательной среде как угроза здоровью школьников / О.А. Гребенникова, М.И. Добролюбова // Концепт: научно-методический электр. журнал. – 2017. – № 59. – С. 1-5. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2017/470113.htm> (дата обращения 12.04.19)
4. Информационно-просветительский интернет-портал «Homo Cyberus» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.homocyberus.ru> (дата обращения 12.04.19)
5. Лазарева Т. Я – изгой: чем опасен буллинг / Т. Лазарева [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://7sisters.ru/children/110149-ya-izgoy-chem-opasen-bulling.html> (дата обращения – 07.04.2019)
6. Лэйн Д.А. Школьная травля (буллинг) / Д.А. Лэйн // Детская и подростковая психотерапия. – СПб.: Питер, 2001. – С. 240-276.
7. Маланцева О.Д. «Буллинг» в школе. Что мы можем сделать? / О.Д. Маланцева // Социальная педагогика. – 2007. – № 4. – С. 90-92.
8. Мардахаев Л.В. Ситуативная социализация (ресоциализация) несовершеннолетнего / Л.В. Мардахаев // Понятийный аппарат педагогики и образования: колл. моногр. / отв. ред. Е.В. Ткаченко, М.А. Галагузова; Урал. гос. пед. унив. – Вып. 10. – Екатеринбург: Институт разв. образ. РАО, УрГПУ, 2018. – С. 300-308.
9. Мардахаев Л.В. Социализация в становлении личности: социально-педагогический подход / Л.В. Мардахаев // ЦИТИСЭ. Электр. науч. журнал. – 2018. – № 1(14).
10. Мобинг // Психология и психиатрия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://psihomed.com/mobbing> (дата обращения 12.04.19)
11. Мудрик А.В. Социальная педагогика: учеб. для студентов высш. учеб. завед. / А.В. Мудрик. – 7-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2009.
12. Троллинг и хейтерство психиатрия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://postnauka.ru/longreads/86459> (дата обращения 12.04.19)
13. Roland E. Bullying: the Scandinavian research tradition // Bullying in schools, создатель Lane D.A. Tattum D.P., 21-32. Stroke-on-Tent: Trentham, 1989.
14. Sourander A., Ronning J., Brunstein-Klomek A., Gyllenberg D., Kumpulainen K., Niemela S., ... Almqvist F. Childhood bullying behavior and later psychiatric hospital and psychopharmacological treatment: Findings for the Finnish 1981 birth cohort study // Archives of general psychiatry. – 2009. – P. 1005-1012.

CYBERBULLYING AND ITS INFLUENCE ON THE SOCIALIZATION OF THE YOUNGER TEENAGER

Mardahaev Lev V., Grechkina Marina E.

Abstract. The article reveals “cybermobbing” and “cyberbullying”, as information technologies of psychological terror of minors, and their influence on the subsequent socialization of all participants (cyber socialization). Characterized by socialization, factors that

significantly affect its development, as well as features of manifestation. The situational socialization (resocialization) of the juvenile cyberbullying has been identified and characterized as a phenomenon, taking into account its influence on all participants: the victim, the subject, accomplices, and indifferent witnesses.

Key words: cybermobing, cyberbullying, cybersocialization, socialization, resocialization, situational socialization of cyberbullying, younger adolescence.

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ СТАТЬИ:

Мардахаев Л.В., Гречкина М.Э. Кибербуллинг и его влияние на социализацию младшего подростка / Л.В. Мардахаев, М.Э. Гречкина // Электронный научно-публицистический журнал «Homo Cyberus». – 2019. – № 1(6). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://journal.homocyberus.ru/Mardahaev_LV_Grechkina_ME_1_2019

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ИНТЕРНЕТА, ИЛИ КАК УБЕРЕЧЬСЯ ОТ МОШЕННИКОВ: ЧАСТЬ 2

Обыденкова Валерия Кирилловна – кандидат педагогических наук, начальник информационно-аналитического отдела Института системных проектов ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (Россия, г. Москва)

ObydenkovaVK@mail.ru

Аннотация. Данная статья является продолжением¹ описания рекомендаций и примеров из практики автора, позволяющим защитить себя и свои персональные данные от мошеннических действий в социальных сетях Интернета.

Ключевые слова: киберсоциализация, кибербезопасность, кибермошенничество, мошенничество, Интернет, социальные интернет-сети.

Понятие кибербезопасности обычно употребляется в сфере ИТ [1]. Однако с развитием компьютерных и интернет-технологий, доступных широкому кругу пользователей, стали актуальными вопросы сохранения их персональных данных и денежных средств, а также поддержания адекватного эмоционального состояния в процессе работы или проведения досуга во Всемирной сети. А.Е. Войскунский рассматривает информационную безопасность с психологической точки зрения, отмечая, что проблема безопасности по своей сути междисциплинарна [2]. Термины «кибербезопасность» и «информационная безопасность» уже вошли в обиход ряда гуманитарных публикаций, получили распространение в области образования. Исследователи из САФУ имени М.В. Ломоносова выявили, что современные школьники не придают значения тому, что существуют интернет-преступники, которые совершают мошеннические действия [4]. **Несмотря на то, что дети и подростки являются крайне уязвимыми перед киберугрозами, мы отмечаем, что и взрослые нуждаются в базовых знаниях о кибербезопасности, алгоритмах противостояния интернет-мошенникам и защиты своих личных данных в сети Интернет.**

В предыдущей статье, опубликованной в № 2 (5) – 2018 журнала «Homo Cyberus» [3], мы делали акцент, что в социальных интернет-сетях **основным механизмом мошенничества является эксплуатация доверия человека к своим знакомым, близким.**

В этой статье мы продолжим рассмотрение индикаторов мошеннических действий в социальных сетях Интернета.

¹ См. начало: *Обыденкова В.К. Практические рекомендации по кибербезопасности в социальных сетях Интернета, или Как уберечься от мошенников: часть 1 / В.К. Обыденкова // Электронный научно-публицистический журнал «Homo Cyberus». – 2018. – № 2 (5). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://journal.homocyberus.ru/practical_recommendations_for_cybersecurity_part_1*

Главный мошеннический сценарий – взлом одного реального аккаунта в социальной интернет-сети с целью дальнейшей переписки от имени его владельца с ничего не подозревающими жертвами. Как реализуется этот сценарий? Взлом аккаунта осуществляется технически, далее от имени его владельца мошенник рассыпает сообщения с просьбой о финансовой помощи в критической ситуации. Если полгода-год назад в качестве причин называли преимущественно нехватку денег, то в последнее время злоумышленники манипулируют нашим отношением к близким людям. Например, в социальной сети «ВКонтакте» возможна отправка мошенником картинки с аккаунта знакомого нам человека, содержащей описание автомобильной катастрофы, в которой пострадала его мать (рис. 1).

Рис. 1. Картинка, отправленная мошенником с аккаунта знакомого нам человека

Сообщение выглядит довольно реалистично: подробно описывается несчастный случай, дата и время происшествия и даже указываются имя и фамилия матери. Для большей эмоциональной окраски прилагается фотография автомобиля, попавшего в аварию; текст пестрит медицинскими диагнозами. Говорится о гибели другого пассажира. Завершается такое сообщение указанием номера банковской карты, телефона и призывом о помощи в оплате дорогостоящей операции.

Конечно, мы готовы тотчас прийти на помощь знакомому человеку, однако нужно остановиться, подумать и проанализировать, что за сообщение мы прочитали.

Почему вместо текста картинка? У человека, в семье которого произошло горе, вряд ли было время её подготовить. В реальной ситуации вероятнее всего к нам обратились бы с помощью текстового сообщения или телефонного звонка.

Как зовут пострадавшего в аварии? В приведённом примере имя и фамилия оказались вымышленными. Достаточно было зайти на страницу знакомой и найти аккаунт её матери, чтобы узнать её настоящее имя. Мошенническая схема оказалась слабой – также в сообщении фамилия матери совпадала с фамилией дочери по мужу.

Эти **индикаторы** выдают нам взломщика аккаунтов. Первое, что необходимо сделать в подобной ситуации – связаться с владельцем аккаунта по другим каналам: телефону, мессенджерам, электронной почте и т.д. Тогда он сможет оперативно поменять пароль от «ВКонтакте» и разослать всем письма с информацией, что его взломали. Последнее нужно сделать обязательно: несмотря на явные противоречия в сообщении мошенника, некоторые люди готовы поверить в описанные события и перевести деньги по указанным реквизитам. Шанс найти мошенника и вернуть свои деньги практически равен нулю.

Ещё один распространённый сценарий, по которому злоумышленник может завладеть деньгами пользователей через социальные сети Интернета – **работа под временным аккаунтом для прямого вымогательства**. Обычно он строится на **манипуляции доверием населения благотворительным фондом и центрами помощи нуждающимся людям и животным**. Прежде чем перейти к сути этой разновидности мошенничества, важно отметить, что настоящая благотворительная организация, которая собирает пожертвования через Интернет:

- 1) официально зарегистрирована в качестве юридического лица: проверить это можно на сайте Федеральной налоговой службы (<https://egrul.nalog.ru>), заказав выписку из ЕГРЮЛ онлайн;
- 2) предлагает переводить пожертвования только на официальные банковские реквизиты юридического лица;
- 3) размещает на своём сайте уставные документы, публичную оферту о пожертвовании, отчёты о расходовании поступивших денежных средств;
- 4) обладает культурой взаимодействия с благотворителями: как правило, сотрудники уважающей себя организации никогда не призывают к пожертвованиям в закрытой личной переписке, а при возникновении вопросов открыто на них отвечают. В идеале человек, сделавший пожертвование, имеет возможность узнать о состоянии того, кому он помог – больному ребенку, нуждающемуся старику, бездомному животному и т.д. Многие честные организации не только организуют сборы, но и рассказывают на своих сайтах и страницах в социальных интернет-сетях, как себя чувствует благополучатель, какую конкретно он получил помощь, делятся фотографиями.

Если хотя бы один из перечисленных пунктов не соблюдается, необходимо задуматься, заслуживает ли доверия такая организация. К сожалению, в связи с развитием интернет-технологий мошенники научились обходить важный критерий, обозначенный в списке под номером 2.

Благотворительная организация может подключиться к современным средствам оплаты, включая оплату через кнопку в группе «ВКонтакте», «СМС на короткий номер», Cloud Payments и др., с помощью которых деньги поступают на банковские реквизиты

организации. Желающий сделать пожертвование видит только «оболочку» платёжной системы, чем и научились пользоваться мошенники.

Приведём пример из личной практики.

Я помогаю пензенскому фонду «Рука помощи бездомным животным» (https://vk.com/animalspnz_fund58, <https://www.pitomec58.com>), в честности сотрудников которого не сомневаюсь. Сотрудники и волонтеры фонда лечат больных, раненых животных и преображают их в настоящих красавцев, а также находят им добрых хозяев.

Однажды у меня возникли проблемы с повтором благотворительного платежа через «Сбербанк Онлайн», и я задала вопрос под комментариями к одной записи на странице фонда «ВКонтакте», не менялись ли у него реквизиты. С руководителями и кураторами фонда я знакома. Тем не менее, совершенно посторонняя девушка поставила лайк под моей записью, а в личном сообщении тут же написала, что реквизиты действительно изменились. На вопрос, какое она имеет отношение к фонду, мошенница ответила, что она куратор животного. С принятием решения об оплате торопила, просила назвать сумму, которую я планирую пожертвовать, все вопросы о реквизитах игнорировала. Когда я сказала, что она не настоящий куратор, а обманщица, она тут же удалила всю нашу переписку, а заодно и свою страницу. К сожалению, другая благотворительница попалась на уловку уже нового мошенника. Очень грустно, что от подобных действий злоумышленников страдают люди и честные организации.

Что делать? Если незнакомый человек в личном сообщении представляется сотрудником благотворительной организации и просит перевести пожертвование, в первую очередь нужно узнать, действительно ли он имеет к ней отношение и почему собирает средства не через официальные реквизиты. Как правило, после таких вопросов мошенник прекращает разговор.

Важно вести переписку с людьми, которые действительно работают в благотворительной организации. Обычно они указаны на её официальном сайте или в сообществе в социальных интернет-сетях. ФИО руководителя организации можно найти в выписке из ЕГРЮЛ на <https://egrul.nalog.ru>. Если всё равно сомневаетесь, что перед вами сотрудник организации – напишите свой вопрос на адрес электронной почты, указанный на официальном сайте.

Зная сценарии, по которым работают интернет-мошенники, можно защитить себя, свои персональные данные и деньги. Однако **не стоит забывать, что темпы развития мошеннических находок и уловок в Интернете настолько высоки, что одних рекомендаций по их избеганию мало. Важно критически относиться к любой получаемой информации**, которая зародила в нас хоть толику сомнения.

Список литературы

1. Безкоровайный М.М., Татузов А.Л. Кибербезопасность – подходы к определению понятия / М.М. Безкоровайный, А.Л. Татузов // Вопросы кибербезопасности. – 2014. – № 1 (2). – С. 22-27.

2. *Войсунский А.Е.* Информационная безопасность: психологические аспекты / А.Е. Войсунский // Национальный психологический журнал. – 2010. – № 1 (3) – С. 48–53.
 3. *Обыденкова В.К.* Практические рекомендации по кибербезопасности в социальных сетях Интернета, или Как уберечься от мошенников: часть 1 / В.К. Обыденкова // Электронный научно-публицистический журнал «Homo Cyberus». – 2018. – №2 (5). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://journal.homocuberus.ru/practical_recommendations_for_cybersecurity_part_1
 4. *Троицкая О.Н., Ширикова Т.С., Безумова О.Л., Лыткина Е.А.* Концептуальная модель обучения основам кибербезопасности в основной школе / О.Н. Троицкая, Т.С. Ширикова, О.Л. Безумова, Е.А. Лыткина // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 5. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=28073>
-

PRACTICAL RECOMMENDATIONS FOR CYBERSECURITY ON THE SOCIAL NETWORKS OF THE INTERNET OR HOW TO PROTECT YOURSELF FROM FRAUD: PART 2

Obydenkova Valeriya K.

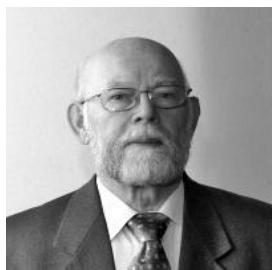
Abstract. This article is a continuation of the description of the recommendations and examples from the practice of the author. It will allow you to protect yourself and your personal data from fraudulent activities in social networks of the Internet.

Key words: cybersocialization, cybersecurity, cyberfraud, fraud, the Internet, social networks of the Internet.

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ СТАТЬИ:

Обыденкова В.К. Практические рекомендации по кибербезопасности в социальных сетях Интернета, или Как уберечься от мошенников: часть 2 / В.К. Обыденкова // Электронный научно-публицистический журнал «Homo Cyberus». – 2019. – № 1 (6). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://journal.homocuberus.ru/Obydenkova_VK_1_2019

ЦИФРОВОЕ ОБУЧЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ, РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Вербицкий Андрей Александрович – доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, академик РАО, профессор, профессор кафедры психологии труда и психологического консультирования Московского педагогического государственного университета (Россия, г. Москва)

asson1@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы реализации цифрового обучения на всех уровнях системы образования в современную эпоху киберсоциализации общества и связанные с этим процессом многочисленные проблемы, риски и перспективы. Основная мысль статьи состоит в том, что цифровизация обучения будет продуктивной только с опорой на адекватную этой задаче психолого-педагогическую теорию. В качестве такой теории может выступить психолого-педагогическая теория контекстного образования, развивающаяся в течение многих лет в научной школе автора статьи.

Ключевые слова: киберсоциализация, киберсоциализация общества, цифровое обучение, информация, знание, значение, смысл, контекстное образование.

В начале статьи хочу обозначить свою позицию относительно ситуации в образовании. На современном этапе развития наук, в том числе о человеке и обществе, технологий производства, культуры (интеллектуальной, технологической, социальной, духовной, информационной) и самого образования, **назрела необходимость перехода к практико-ориентированному типу непрерывного образования с опорой на фундаментальное содержание наук и на неисчерпаемые возможности человека как субъекта общего и профессионального развития, в том числе посредством использования огромных возможностей цифровых средств обучения.**

Человек представляет собой интегральное единство духа (основных социальных и личностных ценностей и принципов), души (всех психических процессов) и тела, которое реализует цели и выполняет программы, задаваемые предыдущими двумя «инстанциями». Психика, в свою очередь, является единством биологического и социального, сознания и бессознательного, интеллектуального и эмоционального, рационального и иррационального. Цифровое обучение берёт из этого очень слабо познанного невероятного богатства только его интеллектуальную составляющую, которая опосредованно воздействует и на некоторые другие составляющие этого единства.

Перейдем теперь непосредственно к теме статьи. Как справедливо отмечают О.И. Воинова и В.А. Плешаков, **все мы уже живем в эпоху киберсоциализации общества** [5]. Киберсоциальность понимается авторами как «совокупность приобретённых человеком качеств, обеспечивающих его способность организовывать жизнедеятельность в киберпространстве в контексте выполнения различных

социальных функций как субъекта сетевых сообществ, а не в роли суверенной личности» [4, С. 120].

В связи с этой мыслью авторов, с которой я согласен (кроме концовки – «*а не в роли суверенной личности*», но об этом позже), возникает вопрос, обеспечивает ли совокупность качеств, приобретённых человеком в процессе цифрового обучения, эффективное и безопасное выполнение различных социальных и профессиональных функций? Давайте поразмышляем над ответом на этот вопрос, имея в виду не как бы самопроизвольно возникшее киберсоциализированное общество со всеми его особенностями, а **специально организованное в системе образования цифровое обучение**.

Прежде всего, нужно разобраться с понятиями «цифровое обучение» и «цифровое образование», которые часто используются как синонимы, что неправомерно. Использование термина «цифровое обучение», как и связанного с ним понятия «цифровая дидактика», т.е. теория цифрового обучения, не вызывают сомнения. В них речь идёт о закономерностях, принципах и механизмах усвоения обучающимися предметных знаний, умений, навыков, компетенций, в том числе с использованием компьютера.

А вот термин «цифровое образование», который часто встречается в педагогической литературе, нормативно-правовых документах и в педагогическом обиходе, неправомерен. Дело в том, что слово «образование» несёт в себе три разных смысла в зависимости от контекста его употребления в речи. Первый смысл – это образовательный ценз конкретного человека, который в ответ на вопрос, какое у него образование, отвечает: общее среднее, профессиональное или высшее. Второй смысл – система образования как совокупность образовательных программ, их реализующих образовательных организаций и система управления ими. Третий смысл – процесс образования, состоящий из обучения и воспитания в их единстве, как две стороны одной «медали».

Исходя из этих различий, правомерно использовать только термины «цифровая система образования» (а не «система цифрового образования») и «цифровое обучение», поскольку компьютер «не занимается» воспитанием обучающихся. По-видимому, интуитивно чувствуя это, адепты цифрового обучения не говорят о «цифровом воспитании», «пряча» его в термине «цифровое образование». Кстати, в английском языке нет слова аналогичного термину «воспитание» в русском. Есть какие-то аналоги типа upbrining (вскормливание ребенка, животного) или education.

Всё более широкое использование на всех уровнях системы непрерывного образования информационно-коммуникативных технологий (ИКТ), которые сейчас называют «цифровым обучением», является реальностью наших дней. Представляется, что **понимание сущности и особенностей «стихийной» киберсоциализации общества и конкретного человека в нём должны кардинально отличаться от понимания сущности и закономерностей цифровизации обучения подобно тому, как различаются процессы усвоения знаний от их практического применения**.

На мой взгляд, **появление цифрового обучения** в мире и буквальное «опьянение» им, в том числе в России, произошло под влиянием четырёх объективных факторов, почти совпавших во времени:

1) **успехи когнитивных наук**, утверждающих при этом, что механизмы переработки информации мозгом человека и компьютером идентичны («компьютерная метафора»);

2) **наследование технологического подхода к управлению процессом обучения**, развитом (1960-1970-е годы) в ныне забытом программированном обучении – предшественнике цифрового;

3) **появление индустрии персональных компьютеров**, самых разных цифровых устройств и необходимого для их работы оборудования;

4) **давление бизнеса**: всю эту продукцию нужно продавать, а система образования – неисчерпаемый рынок.

Использование *компьютера* для целей обучения осуществляется в *трёх формах*: машина как *тренажер*; как *репетитор*, выполняющий определённые функции за преподавателя, причем такие, которые машина может выполнить лучше, чем человек; как *устройство*, моделирующее определённую среду и действия в ней обучающихся. Тренажеры целесообразно применять для закрепления и систематизации уже приобретённых умений и навыков. Репетиторские системы больше всего пригодны, когда задачи и условия использования учебной информации чётко обозначены и не являются вероятностными. Имитационное моделирование наиболее пригодно, когда учебный материал не носит системного характера и его границы достаточно неопределённы.

Очевидно, что в первых двух формах компьютер выступает лишь средством количественного усиления функций преподавателя, повышения скорости обмена информацией между преподавателем и студентом, оперативности принятия решений и т.п. И именно эти возможности пытаются, прежде всего, использовать во всем мире в процессе компьютеризации обучения. Однако, качественного изменения ситуации в образовании они не дают и принципиально дать не могут, поскольку те же самые результаты, иногда даже с меньшими затратами временных, человеческих и финансовых ресурсов, могут дать традиционные формы, методы и средства обучения.

Наряду с огромными и ещё малоизученными возможностями цифрового обучения можно назвать **целый ряд проблем и рисков, связанных с их тотальным внедрением в систему образования**:

1. Начать с того, что **в мире нет педагогической или психолого-педагогической теории цифрового обучения**, на которую могли бы опираться школьные учителя, преподаватели колледжей и вузов при его проектировании и использовании, тогда как ни один инженер не возьмется проектировать какое-то техническое устройство без опоры на физическую (химическую, биологическую) теорию. Как нет и убедительных доказательств повышения качества образования посредством использования цифрового обучения. По этой причине **существует сознательное или неосознанное сопротивление цифровизации обучения значительной части педагогического корпуса страны**, особенно среди учителей и преподавателей старшего поколения.

2. Информация и знание – разные понятия: информация – это семиотическая, знаковая система, носитель значений (знаки языка, тексты, звуки речи и т.п.), а знание – подструктура личности, нечто субъективное, личностные смыслы, которые часто бывают разными для разных людей, воспринимающих одну и ту же информацию. При этом, как говорит мой друг, доктор философских наук, в науке существует более 100 определений термина «информация». Какое из них адекватное сути дела?

3. Процесс обучения и образования реализуется посредством общения педагога и обучающихся. Общение состоит из трёх компонентов – коммуникативного, интерактивного и перцептивного, а также из двух сторон – вербальной (словесной) и невербальной, к которой относятся «язык тела» (поза, телодвижения, выражение глаз и др.) и экстралингвистические, звуковые характеристики речи (интонация, высота звука, тон и др.).

Слово является носителем информации, в нём заключено объективное значение термина, понятия, выражения, определение которых дано в словарях. Однако, как правило, практически любое слово многозначно, его смысл для конкретного человека зависит от лингвистического контекста, языкового окружения данного слова. Не в меньшей степени смысл того или иного слова для слушающего зависит от невербальных характеристик речи. По данным известного австралийского психолога Аллана Пиза, в слове, носителе значения, отражается только 7% смысла сказанного, в телодвижениях говорящего – 55%, экстралингвистике – 38% [13]. Цифровая техника неспособна улавливать такие тонкости.

Необходимо учитывать и тот факт, что понимание произносимых человеком, преподавателем, собеседником слов, их смысл для слушающего обусловлен целым рядом и других контекстов: гендерным (известно, что для мужчины и женщины смысл одной и той же информации часто разный), национальным, религиозным, географическим, научным, ситуативным и т.д.

Важно отметить также смыслообразующее влияние перцептивного компонента общения на продуктивность восприятия и усвоения информации, превращение её в знание. Психологи утверждают, что в первые семь секунд любой из нас непроизвольно для себя решает, обратится ли он к тому или иному конкретному лицу, чтобы просто спросить, как пройти туда-то. Если человек нам неприятен, мы просто избегаем общения с ним, даже если он владеет нужной для нас информацией. Но *обучающийся не выбирает себе преподавателя*. И если школьники боятся и не любят учителя, а тот ненавидит класс, на его уроках просто не может быть превращения сообщаемой им информации в знания учеников.

Вывод из всего сказанного очевиден: **компьютер в принципе не способен превращать значения в смыслы, информацию в знание.** Это означает, что «компьютерная метафора» – не более, чем метафора; переработка информации компьютером не является механизмом порождения из неё знаний человеком, и **нужно искать собственно психологические закономерности и механизмы понимания этого процесса.**

4. Существует реальный риск деградации речи, а вместе с ней и мышления, поскольку оно совершается в речи, которая в цифровом обучении редуцируется до нажатия пользователем на буквы клавиатуры компьютера. Как отмечают

исследователи, у детей цифрового поколения мысли фрагментарны, а суждения поверхностны. А уж грамотность детей цифрового поколения просто ужасает. Если школьник или студент не имеет развитой практики живого общения, формирования и формулирования мысли в речи, у него, как показывают психологические исследования, мышление не формируется.

5. В цифровом обучении речь вообще не идет о воспитании, тогда как вместе с обучением они должны составлять две стороны одной «медали» – образования. Воспитание предполагает «социальную ситуацию развития» (Л.С. Выготский), общение и межличностное взаимодействие субъектов образовательного процесса, эмоционально-ценостное отношение к ситуациям нравственного выбора, проживание и переживание ими этих ситуаций на основе знания принятых в обществе моральных норм.

Воспитание – это морально-нравственная категория, где мораль представляет собой принятые в обществе законы, постановления, нормы социального поведения, религиозные, гендерные, технические нормы и т.д. [2]. Их можно усвоить посредством запоминания соответствующей информации, в том числе передаваемой компьютером. А нравственность – мера приближения человека к принятым в обществе нормам морали. Воспитание нравственности (от слова «нрав») не сводится к усвоению информации о том, что считается в обществе хорошим или плохим. Можно хорошо знать нормы морали и быть безнравственным, плохо воспитанным, взяточником, преступником. **Воспитывает не то, чему учат, а как учат.**

Нравственность – качество личности, которое предполагает при своём формировании эмоционально-ценостное отношение к содержанию ситуаций диалогического общения и взаимодействия включенных в них людей, опыт чувственного (положительного или отрицательного) переживания человеком отношений между людьми, возникающих в этих ситуациях. Источником таких переживаний и отношений, носителем морали и нравственности может быть только человек – родитель, педагог, любой представитель социума, но не как угодно мощное цифровое устройство.

6. В цифровом обучении доведён до абсурда известный принцип индивидуализации. И в традиционном обучении он должен пониматься не как изоляция одного обучающегося от другого, тем более от педагога, а как развитие индивидуальности каждого через других, недаром Л.С. Выготский ввел понятие «зона ближайшего развития»: то, что может делать ученик в сотрудничестве с педагогом (и другими учащимися, добавлю я), то на следующем шаге своего развития он может сделать это самостоятельно. Более того, учёный писал, что всякая психическая функция появляется на сцену дважды – сначала как социальное, затем как психологическое, сначала как интерпсихическое, затем как интрапсихическое [6, С. 170].

Можно возразить, что работа человека с компьютером осуществляется в диалоговом режиме. Однако **взаимодействие с машиной не является диалогом по своему внутреннему содержанию.** Диалог – это развитие темы, позиции, точки зрения совместными усилиями двух и более людей, находящихся во взаимодействии и общении по поводу определённого, неизвестного в тех или иных деталях содержания.

Траектория этого совместного движения не прогнозируется и задается теми смыслами, которые порождаются в ходе самого диалога. А в компьютерной программе заранее задаются те пути, по которым движется процесс, инициируемый пользователем

компьютера¹. Если он попадёт не на тот путь, машина выдаст "реплику" о том, что пользователь ошибся и "забрёл" не туда, куда предусмотрено программой, что нужно, следовательно, повторить попытку или начать с другого хода. Принципиально то же самое происходит, когда мы неправильно набираем номер телефона, и абонент отвечает: "Ошиблись номером" или просто бросает трубку.

Философ М.В. Иванов писал о том, что диалога с машиной не может быть по определению. То, что называют "диалоговым режимом" есть лишь варьирование последовательности либо объёма выдаваемой информации. Этими процедурами исчерпываются возможности оперирования готовой, фиксированной в памяти машины информацией. А реальный диалог – это реализованное в общении объективное диалектическое противоречие предмета обсуждения, которое даже самая современная машина освоить не может, она противоречие не понимает. Введение противоречивой информации компьютер оценивает "двойкой" [7]. Единственное преимущество компьютера, добавлю, – невероятно высокая скорость прохождения электрического сигнала по заданному программой пути.

Это означает, что машина не обеспечивает процессов творчества даже в том случае, когда она осуществляет учебное имитационное моделирование, задает режим "интеллектуальной игры", хотя бесспорно, что именно в этой функции применение компьютера наиболее перспективно. Он помогает преподавателю создавать такую обучающую среду, которая не обеспечивает формирование мышления учащихся, но способствует этому.

Принцип индивидуализации, понимаемый как оставление каждого обучающегося наедине с компьютерной обучающей программой: а) ещё больше усиливает отрыв обучения от воспитания; б) лишает обучающегося возможности полноценного психического развития, как это происходит в так называемом «чиповом обучении», при котором ребёнку вживляют под кожу чип с обучающей компьютерной программой, формирующей у него правильные поведенческие реакции. Вот и ректор Высшей школы экономики Я.И. Кузьминов предложил totally перейти на онлайн-обучение в вузах, заменив всех профессоров и доцентов персональными компьютерами [11].

Ещё в традиционном обучении активный в двигательном и речевом плане ребенок, поступив в школу, надолго замолкает, занимая ответную позицию и выступая с особого позволения учителя (когда "вызовут к доске"). За полный учебный год ученик говорит на уроках считанные десятки минут. В течение одиннадцати лет учащийся занимается, в основном тем, что молча потребляет информацию. Затем примерно тем же он занимается в течение десяти лет (бакалавр-магистр-аспирант) в вузе.

А в процессе цифрового обучения живая речь школьника и студента – средство формирования и формулирования мыслей – выключена, по определению. Поэтому, если пойти по пути **тотальной индивидуализации обучения с помощью персональных компьютеров, можно прийти к тому, что будет упущена сама возможность формирования творческого мышления, которое по своему**

¹ Цифра 1 означает в программе компьютера, что путь электрическому сигналу открыт, цифра 0 – закрыт. Отсюда название «цифровое устройство», «цифровое обучение».

происхождению диалогично. Есть и другая опасность: свёртывание социальных контактов, сокращение практики социального взаимодействия и общения, что приводит индивидуализму и одиночеству.

Сказанное отнюдь не означает, что не следует использовать цифровое обучение, как раз наоборот. Но важно «не пересолить», **важно найти психологически, физиологически, педагогически и методически обоснованный баланс между использованием возможностей компьютера и живым диалогическим общением субъектов образовательного процесса – педагога и обучающихся.**

7. Цифровые обучающие устройства являются воплощением строгой математической, инженерной, технократической мысли, а в основе образовательного процесса лежат **психолого-педагогические, во многом субъективные закономерности деятельности преподавателей и обучающихся**, начиная с их мотивации и заканчивая интуиций и личностным смыслом передаваемой и получаемой информации.

8. Наибольшую трудность представляет переход от информации, циркулирующей в системе обучения, к самостоятельным практическим действиям и поступкам, иначе говоря, от знаковой системы как формы представления информации на страницах учебника, экране монитора и т.п. к системе практических действий, совершаемых на основе знаний и имеющих принципиально иную логику, нежели логика организации семиотической системы. Это классическая проблема применения знаний на практике, а на психологическом языке – проблема перехода от мысли к действию.

9. Многие исследователи отмечают, что при всём возрастающем уровне цифровизации общества и системы образования **от человека требуется не владение необходимыми для жизни и профессиональной деятельности знаниями, а получение доступа к компьютерной системе, где находится нужная информация.** Другой пример: водители, которые постоянно пользуются навигатором при движении по улицам большого города теряют способность ориентировки в пространстве. Всё это приводит к деградации функции памяти человека, восприятия, воображения, чего-то ещё.

10. **В отсутствие теории цифрового обучения его механическое встраивание в традиционное обучение только усиливает недостатки обоих.** Так, П. Нортон (США) пишет, что обучающие системы на базе компьютера разрабатываются для традиционного обучения вместо того, чтобы обеспечивать на новой основе перспективные пути использования исключительных возможностей компьютера. Он является мощным средством оказания помощи в понимании людьми многих явлений и закономерностей, однако он неизбежно порабощает ум, располагающий лишь набором заученных фактов и навыков [18].

Такое мощное средство, как компьютер, нельзя просто встроить в традиционную дидактическую систему и надеяться на повышение качества образования. **Необходимо разработать адекватную психолого-педагогическую и собственно педагогическую теорию, органично включающую в себя компьютер как средство обучения с его действительно огромными возможностями получения, хранения, переработки и передачи информации.**

Но такой общепризнанной теории, разработанной с учётом исторических, философских, психологических и собственно педагогических аспектов проблемы, как известно, в мире не существует, хотя есть масса исследований и защищённых

диссертаций. Поэтому **основания для всё более широкого использования цифровых технологий во многом носят не обоснованный наукой, внешний характер**: так поступают в развитых странах; нужно кому-то продавать всю эту технику, так решило руководство образовательного учреждения или орган управления всем образованием, на это выделены средства и т.п. То есть встраивание цифровых средств в традиционную систему обучения во многом осуществляется по внешним причинам, а не потому, что получены веские научные основания продуктивности их использования.

Возникла сложная многоаспектная проблема выбора научно обоснованной стратегии цифровизации жизни, производства и образования, которая позволила бы использовать все огромные преимущества компьютера и избежать потерь, которые скажутся на качестве формирования личности школьника или студента с позиций не только их профессионально-практической, но и социальной компетентности, гражданской позиции и нравственного облика.

В отсутствие такой стратегии возникают психические феномены, которые можно наблюдать у представителей так называемого поколения «Z» или цифрового поколения. Это поколение людей, родившихся в самом конце 1990-х – начале 2000-х годов; многие из них уже студенты вузов. Согласно Н. Хоуву и В. Штраусу, поколенческие ценности складываются под влиянием условий жизни и воспитания ребенка до 12-14 лет. Они являются глубинными, подсознательными, определяют формирование личности и оказывают влияние на жизнь, деятельность и поведение людей [17].

Отмечается целый ряд **особенностей представителей «цифрового поколения»:**

- дети чуть ли не с момента рождения общаются с внешним миром преимущественно через экраны мобильных телефонов и дисплеи компьютеров;
- им трудно заводить друзей в реальном мире; виртуальное общение преобладает над личным; дети быстро вступают в онлайновый контакт, однако реальные дружеские связи для них затруднены;
- при виртуальном общении визуальный язык заменяет детям привычный для предыдущего поколения обычный текст;
- каждый день дети и подростки успевают просмотреть множество экранов, поэтому у них растёт скорость восприятия информации, однако они с трудомдерживают внимание на одном предмете;
- для детей гораздо привычнее читать короткие новости, чем какую-нибудь статью; образ их мыслей отличается фрагментарностью, а суждения – поверхностностью;
- авторитет родителей уменьшается в пользу всезнающего Интернета, увеличивается психологическая дистанция между ребёнком и взрослым, а вместе с этим страдает процесс передачи опыта от родителей к детям. Недостаток позитивных эмоциональных контактов в семье и избыток информации приводят к нарушениям развития нервной системы: дети легко возбудимы, впечатлительны, непоседливы, менее послушны;
- многие подростки зачастую плохо ориентируются даже в собственном городе, хотя быстро найдут нужное место на своем мобильнике;
- растет число детей поколения Z, страдающих от избыточного веса;
- у них размыты социальные и гендерные ориентации, возникают проблемы самоидентификации; зыбкими становятся понятия брака и семьи;

– отсутствует реальный жизненный опыт, дети не могут решать даже небольшие проблемы, они вырастают чувствительными и пессимистическими, немногие смогут добиться независимости собственными усилиями;

– Z-поколению присуще «витание в фантазиях», им с трудом удаётся отделить черты виртуальных героев от реальных; основная причина оторванности от реальности – навязчивая массовая культура;

– почти всю информацию дети поколения Z получают из Сети, что придаёт им уверенности в своих взглядах, которые далеко не всегда правильны;

– дети этого поколения ориентированы на потребление и более индивидуалистичны, чем дети предыдущего поколения; они нетерпеливы и сосредоточены в основном на краткосрочных целях, при этом менее амбициозны [14].

Американский психолог Шерри Постник-Гудвин так характеризует детей и подростков «цифрового поколения»: *«Они предпочтут текстовое сообщение разговору. Они общаются в сети – часто с друзьями, с которыми никогда не виделись. Они редко бывают на улице, если только родители не организуют их досуг. Они не представляют себе жизни без мобильных телефонов. Они никогда не видели мира, в котором не было высоких технологий или терроризма. Компьютеры они предпочитают книгам и во всём стремятся к немедленным результатам. Они выросли в эпоху экономической депрессии, и от них всеми ожидается лишь одно – быть успешными. Большинство из них очень быстро взрослеют, ведя себя значительно старше своих лет»* (Цит. по [10]).

С подобным контингентом детей и подростков, особенно в больших городах, где высока насыщенность жизни, образования и профессиональной деятельности цифровыми устройствами, уже приходится работать школьному учителю и преподавателю колледжа, вуза и в нашей стране. Речь идет о принципиально новой ситуации в образовании, о необходимости проведения теоретико-методологических и прикладных исследований в рассматриваемой области, о соответствующем научно-методическом обеспечении деятельности учителя и повышения его педагогической квалификации.

Всё сказанное не даёт ответа на сакраментальный вопрос: «*«Что делать?»* Это лишь постановка вопроса о новом типе социокультурного наследования, о принципиально новой ситуации в образовании, сложившейся вместе с появлением детей, подростков и студентов – представителей которых можно отнести к «цифровому поколению». Но уже на изложенном материале можно сделать целый ряд выводов:

1) необходимо проведение фундаментальных и прикладных исследований, направленных на раскрытие психолого-педагогических, педагогических и иных закономерностей общего и профессионального развития детей, подростков и студентов – представителей «цифрового поколения»;

2) главным направлением исследований должны явиться не столько закономерности переработки человеком информации и механизмы работы мозга в сложившихся социокультурных условиях, чем занимаются и должны заниматься когнитивные науки, а закономерности личностного развития человека в системе

непрерывного образования, начиная с момента его появления на свет; органичное место в этих исследования должны занять проблемы воспитания;

3) становятся всё более актуальными **исследования, направленные на выявление механизмов влияния разного рода контекстов на смысл воспринимаемой обучающимся информации**;

4) необходимо **серьёзное повышение квалификации учителей, преподавателей, всех работников образования, а также родителей**, в рассматриваемой проблемной области, соответствующее научно-методическое обеспечение деятельности педагога на всех уровнях системы непрерывного образования;

5) растет актуальность **идей образования не «на всю жизнь», а «через всю жизнь»**, в котором обеспечивалось бы непрерывное развитие личности и индивидуальности каждого человека.

Представляется, что в качестве **научной основы**, к которой может быть «привязана» цифровизация обучения, в наибольшей мере способна стать **психолого-педагогическая теория контекстного образования**, около 40 лет разрабатываемая в нашей научно-педагогической школе [1, 2, 3, 15]. Приведем краткое изложение её сущности.

Определение контекстного образования: обучение и воспитание, в котором на языке наук и посредством всей системы педагогических технологий, традиционных и новых, включая цифровые, в образовательной деятельности последовательно моделируется предметно-технологическое, социальное и морально-нравственное содержание социо-практической (школьник) или профессиональной (студент) деятельности.

Контекстное образование представляет собой интегративное единство трёх источников:

- деятельностная теория усвоения социального опыта;
- теоретическое обобщение с её позиций многообразного опыта педагогических инноваций;
- категория «контекст» (личностный, предметно-технологический, социальный, морально-нравственный); отражённые в сознании обучающегося содержание и условия предстоящей социо-практической (школьник) или профессиональной деятельности (студент) в своём смыслообразующем влиянии на процесс и результаты его образовательной деятельности.

Основная идея контекстного образования: наложить усвоение учащимся теоретических знаний на «канву» предстоящей социо-практической или профессиональной деятельности посредством последовательного моделирования её предметно-технологического, социального и морально-нравственного содержания; превратить, образно говоря, «личинку» обучающегося в «бабочку» выпускника.

Основными в контекстном образовании являются принципы:

- педагогического обеспечения личностного включения обучающегося в образовательную деятельность;
- единства обучения и воспитания личности обучающегося в одном потоке его образовательной деятельности;

- последовательного моделирования в образовательной деятельности школьников, студентов, слушателей целостного содержания, форм и условий предстоящей им практической деятельности;
- проблемности содержания обучения и процесса его развертывания в образовательном процессе;
- адекватности форм организации образовательной деятельности обучающихся целям и содержанию образования;
- ведущей роли совместной деятельности, межличностного взаимодействия и диалогического общения субъектов образовательного процесса – обучающих и обучающихся;
- педагогически обоснованного сочетания новых, в том числе цифровых, и традиционных педагогических технологий;
- учёта смыслообразующего влияния на поступающую информацию кросскультурных особенностей обучающихся: психологических, национально-культурных, морально-нравственных, гендерных, религиозных и др.

Основная цель контекстного образования: сформировать целостную социопрактическую или профессиональную деятельность, развитую личность и индивидуальность школьника, будущего специалиста (студента) или обучающегося в системе дополнительного образования.

Источниками содержания контекстного образования являются:

- дидактически адаптированное содержание наук о природе, обществе, человеке и технике;
- модели предстоящей практической деятельности выпускника школы, вуза, слушателя учреждения дополнительного образования, содержащие системы их основных функций, проблем, задач, компетенций;
- морально-нравственное содержание самой образовательной деятельности, жизни, практической или профессиональной деятельности.

В контекстном образовании моделируется динамически сменяющая друг друга последовательность трёх базовых моделей образовательной деятельности – академического типа, квазипрофессиональной и учебно-профессиональной – и множества переходных от одной к другой. На рисунке 1 представлена общая примерная модель движения деятельности студента от академической к профессиональной в контекстном образовании, иллюстрирующая упомянутую выше метафору превращения «личинки» обучающегося в «бабочку» выпускника.

Применительно к школьному образованию данная модель принципиально такая же с некоторыми особенностями (см. статью Н.А. Рыбакиной [16]). **Модель является примерной, поскольку конкретный педагог может выбрать любые другие конкретные педагогические технологии, в том числе цифровые, важно только педагогически обосновывать их использование в соответствии с целями и содержанием конкретного фрагмента деятельности и опираться на основные принципы контекстного образования.**

Три базовые формы деятельности обучающегося, в процессе реализации которых осуществляется переход от одной формы к другой, реализуются посредством следующих образовательных моделей: семиотической, имитационной и социальной.

Семиотическая образовательная модель обеспечивает индивидуальное усвоение содержания вербальной или письменной информации в процессе традиционной, затем проблемной лекции, лекции вдвоем и др., решения учебных задач, выполнения заданий и др., превращающие эту информацию в знания. Основной единицей работы обучающегося является в этой модели *речевое действие*.

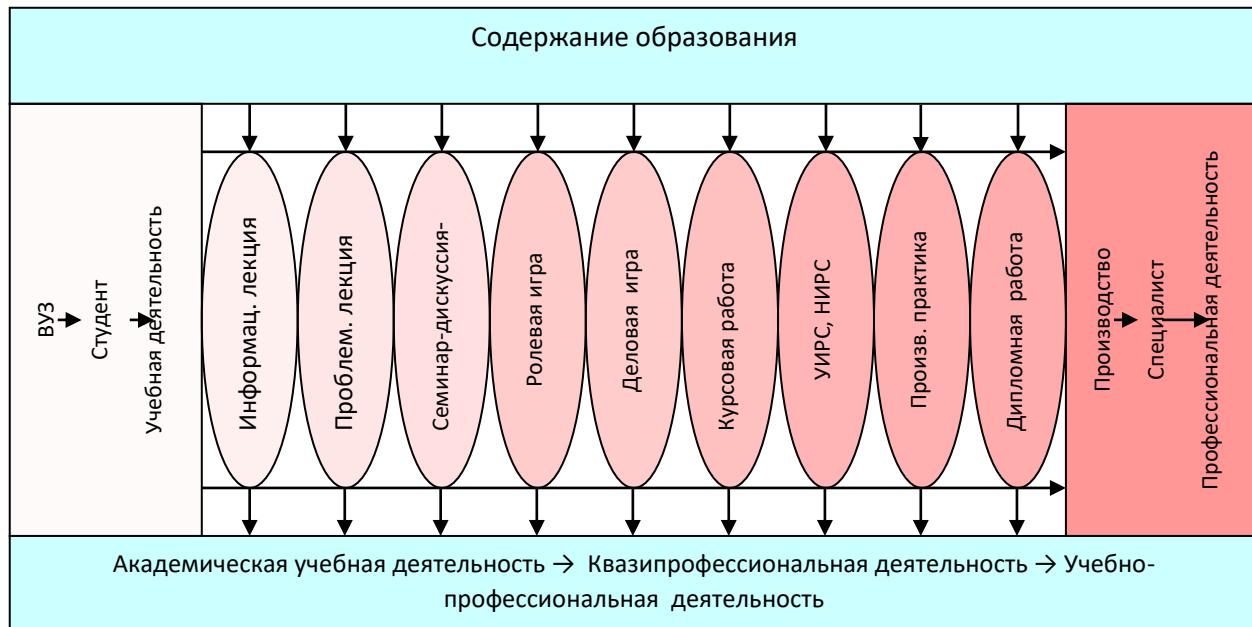

Рис. 1. Общая примерная модель движения деятельности студента от собственно учебной к профессиональной в контекстном образовании

Имитационная образовательная модель – это моделируемые ситуации профессиональной деятельности, требующие практического использования сформированного посредством семиотической модели знания. Здесь могут быть использованы такие педагогические технологии, как кейс-стади или решение ситуационных задач и проблем, метод проектов, мозговой штурм и др. Единица работы обучающегося – *предметное действие*.

Социальная образовательная модель воссоздаёт профессиональные и исследовательские ситуации совместной деятельности, диалогическое общение и взаимодействие на научном языке субъектов образовательной деятельности – педагогов и обучающихся – в процессе ролевой, деловой или иной игры, подготовки курсовой, работы на практике, подготовки и защиты выпускной квалификационной работы и др. В процессе реализации этой модели формируются технологические, социальные и морально-нравственные компетенции будущего выпускника. Единица работы обучающегося – *поступок*.

Очевидно, что в процессе контекстного образования создаются необъятные возможности использования компьютера в качестве мощного и необходимого средства обеспечения его содержания и процесса без редукции образовывающегося школьника, студента или слушателя ФПК к цифровому устройству, к мозгу, в котором конечно происходит что-то, получившее название «переработка информации».

Исходя из всего сказанного о сущности контекстного образования, его принципах, целях, содержании и педагогических технологиях, становится понятным мое несогласие, высказанное в начале статьи, с утверждением, что выполняя социальные функции в киберпространстве человек будет «*субъектом сетевых сообществ, а не в роли суверенной личности*».

Во-первых, я бы не противопоставлял понятия субъект и личность. Ведь субъект – это человек, способный к целеполаганию и целереализации в ситуациях неопределенности, то есть личность, а не мозг, перерабатывающий информацию в соответствии с заданной программой и не понимающий противоречия, считающий их ошибкой.

Во-вторых, не определено понятие «суверенная личность». Это одиночка, индивидуалист, не способный взаимодействовать с другими членами киберсообщества? Как раз эта опасность грозит при безоглядной индивидуализации цифрового обучения.

В-третьих, для того, чтобы полноценно развивалась «суверенная личность» обучающегося, способная продуктивно взаимодействовать с другими личностями в условиях тотальной киберсоциализации всего общества, производства и самого образования, нужна опора на адекватную психолого-педагогическую теорию. В её основе должна быть ориентация на неисчерпаемые возможности личности и деятельности человека, «вооруженного» компьютером, а не на «компьютерную метафору». Представляется, что в качестве такой теории и может выступить теория контекстного образования.

И последнее. Следует всячески поддержать и пропагандировать идею В.А. Плешакова о необходимости введения в учебный план школы специального практико-ориентированного курса, направленного на научно обоснованное (пока оно идет стихийно) компетентное владение подрастающим и уже подросшим поколением цифровыми устройствами в уже наступившую эпоху всеобщей киберсоциализации общества.

Список литературы

1. *Вербицкий А.А., Калашников В.Г.* Категория «контекст» в психологии и педагогике. – М.: Логос, 2010.
2. *Вербицкий А.А.* Воспитание в современной образовательной парадигме // Педагогика. – 2016. – № 3. – С. 3-16.
3. *Вербицкий А.А.* Теория и технологии контекстного образования. Учебное пособие. – М., МПГУ, 2017.
4. *Воинова О.И., Плешаков В.А.* Киберонтологический подход в образовании. Монография / Под ред. В.А. Плешакова. – Норильск: Норильский индустриальный институт, 2012.
5. *Воинова О.И., Плешаков В.А.* Личность и киберсоциум: становление киберсоциальности и классификация людей по степени интегрированности в киберсоциум // Электронный научно-публицистический журнал «Homo Cyberus». – 2018. – № 1(4). [Электронный ресурс] – URL: http://journal.homocyberus.ru/personality_and_cybersociumFormation_of_cybersafty_a

nd classification of people according to the extent of the integration into the cybe
rsocium

6. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.3 Проблемы развития психики / Под ред. А.М. Матюшкина. – М. Педагогика, 1983.
7. Иванов М.В. Пути совершенствования методов преподавания в высшей школе // Современная высшая школа. – 1982. – № 3. – С. 118-122.
8. Коменский Я.А. Великая дидактика / Избранные педагогические сочинения: В 2-х т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1982.
9. Коменский Я.А. Выход из школьных лабиринтов, или Дидактическая машина / Избранные педагогические сочинения: В 2-х т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1982. – С. 174-191.
10. Коровин А. Дети в сети, или знакомьтесь: Поколение Z [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravmir.ru/deti-v-seti-ili-znakomtes-pokolenie-z>
11. Кузьминов Я.И. ВШЭ полностью откажется от традиционных лекций в пользу онлайн-курсов [Электронный ресурс] URL: <https://rb.ru/news/vshe-study-online>
12. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл: Академия, 2005.
13. Пиз Аллан. Язык телодвижений. Как читать мысли других по их жестам. – М.: Изд-во «Ай Кью», 1992.
14. Психологические особенности поколения Z. [Электронный ресурс] URL: http://mansa-uroki.blogspot.com/2016/04/z_12.html
15. Психология и педагогика контекстного образования: Коллективная монография / Под научн. ред. А.А. Вербицкого. – М.: СПб.: Нестор-История, 2018.
16. Рыбакина Н.А. Компетентностно-контекстная модель обучения и воспитания в общеобразовательной школе // Образование и наука. – 2017. – Том 19. – № 2. – С. 31-50.
17. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future 1584–2069. – New York: William Morrow and Company, 1991. [Электронный ресурс] URL: <https://www.goodreads.com/book/show/183651.Generations>
18. Norton P. Computer Potential and Computer Educators: a Proactive View of Computer Education // Educational Technology – 1983. – Vol. 23. – № 10. – P. 25-28.

DIGITAL LEARNING: PROBLEMS, RISKS AND PROSPECTS

Verbitskiy Andrey A.

Abstract. The article analyzes the problems of implementing digital learning at all levels of the education system in the modern era of cybersocialization of society and the numerous problems, risks and prospects associated with this process. The main idea of the article is that the digitalization of learning will be productive only with the support of the psycho-pedagogical theory adequate to this task. The psycho-pedagogical theory of contextual education developed over the years in the scientific school of the author of the article can serve as such a theory.

Key words: cybersocialization, cybersocialization of society, digital learning, information, knowledge, meaning, sense, contextual education.

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ СТАТЬИ:

Вербицкий А.А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы / А.А. Вербицкий // Электронный научно-публицистический журнал «Homo Cyberus». – 2019. – № 1 (6). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://journal.homocyperus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019

ГАДЖЕТЫ НА СЛУЖБЕ СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Монина Галина Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой индивидуальных и дистанционных форм обучения ИПК СПО, ГАДОУ д/с № 53 Фрунзенского района СПб (Россия, г. Санкт-Петербург)

Monina-galina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме использования гаджетов в семейном пространстве. Автор рассуждает о последствиях как жёсткого контроля и тотальных запретов на использование электронных устройств детьми, так и вседозволенности в семье; о целесообразности введения системы «можно» и «нельзя» – системы запретов и разрешённых действий и поступков. Статья содержит конкретные предложения по оптимизации детско-родительских отношений в связи с угрозой ухода подрастающего поколения в киберпространство.

Ключевые слова: цель воспитания, стиль воспитания, гаджеты, электронные устройства, виртуальный мир, киберпространство, контроль родителей, семейные правила, запреты, ответственность, подкрепление.

Cтех пор, как гаджеты (англ. *gadget* – прибор, приспособление [1]) появились в нашей жизни, прошло не так уж много времени. Точную дату рождения назвать довольно трудно. Разворошив груду исторических фактов, специалисты утверждают, что термин «гаджет» появился уже в 19-м веке.

Однако гаджеты как новая категория мини-устройств для передачи информации и улучшения нашей жизни ворвались в наше предсказуемое и упорядоченное бытие во второй половине прошлого – 20-го – века. Электронные книги, авторучки с функциями телефона и фотоаппарата, плееры, смартфоны с сенсорными экранами, – всё это лишь малая толика того нового, что буквально обрушивается на нас в последние десятилетия. И, несмотря на достаточно юный возраст этих «штуковин» (как написано про них в вездесущей Википедии), они уже успели внести раскол среди населения нашей славной Планеты Земля.

Представители старшего поколения, воспитанные на Большой Советской энциклопедии и умеющие скрупулёзно конспектировать лекции и печатные тексты, с трудом уворачиваются от новшеств, стремясь, где только можно, выполнить задание по старинке. Некоторые же из «старичков» смело бросаются осваивать «продукты прогресса», не жалея на это ни сил, ни времени.

Другая же часть человечества (ради комфорта которой, в сущности, и создаются новые приспособления) – это дети, подростки и молодёжь. И если нам, их родителям и педагогам, требуется недюжинная воля и целеустремленность, дабы овладеть новой чудо-техникой, для них использование гаджетов – такой же естественный процесс,

как дыхание, сон или приём пищи. Им не надо учиться пользоваться этими приборами, которые будто самим временем встроены в их сознание, в их жизнь.

Что принесли и принесут гаджеты миру? Доступ к колоссальному объёму информации, навыки отбора полезного материала, возможность безграничного общения, удалённой профессиональной деятельности... Всего не перечислить.

Однако, наряду с позитивными изменениями, привнесенными в нашу жизнь гаджетами, появились и отрицательные последствия этого «дитя прогресса». Огромное количество статей, книг и даже целых конференций посвящено жуткой теме: **«Наши дети уходят в виртуальный мир!!! Что делать?»**. И чтобы этого не случилось, взрослые начинают делать это «что-то», объявляют войну не только собственным детям, но и гаджетам, появление которых в принципе не является устрашающим. Просто **родителям самим страшно, поскольку они теряют контроль над ситуацией, поскольку не имеют опыта решения таких ситуаций (их не было ни в их детстве, ни в воспитании старших детей)**.

И от бессилия, незнания, невозможности остановить эту лавину многие из нас, в борьбе за счастье собственного ребенка, оказываются в тупике. Дети «почему-то» всё больше и больше отдаляются от нас. Отношения с ними – всё хуже и хуже... Кто-то смиряется (мол, вечная проблема «отцов и детей»). Кто-то воюет до конца (до полного разрыва отношений или до полного подчинения, подавления инициативности сына или дочери). Печально...

Но ведь прогресс отменить невозможно! Да и вряд ли кто-то из нас, будучи в здравом уме, согласился бы вернуться в век печатных машинок и кассетных магнитофонов. Без навигаторов и информации в Интернете уже трудно представить нашу жизнь... Значит, **остаётся единственный выход: сделать так, чтобы эти самые гаджеты не угрожали здоровью наших детей и семейному благополучию, а помогали нам!** И обязательно разобраться: почему ребенку милее игра на планшете, а не общение с ребятами? От чего он прячется? Что находит в компьютерной игрушке, чего не может получить в реальной жизни? А для того, чтобы понять это, нам, **взрослым, необходимо научиться ДО-говариваться¹ с собственными детьми!**

Для того чтобы гаджеты смогли сослужить благую службу, родителям необходимо сформулировать совершенно чётко и определённо, какова же цель их воспитания. То есть: хотят ли они, чтобы ребенок вырос послушным и исполнительным? Или мечтают о креативном и уникальном ребенке? Или хотят воспитать победителя, властелина?

Конечно, это, бесспорно, самый важный вопрос в жизни. И не каждый готов на него ответить. К сожалению, не каждый и может это сделать. **Многие родители, заявляя, что хотят видеть ребёнка в будущем успешным человеком – инициативным, креативным, самостоятельным – сегодня, в настоящем, используют стили и методы воспитания, совершенно не совместимые с их мечтой.**

¹ Это «ДО» позволит предвосхитить возникновение проблемной ситуации.

Так, в семьях с *авторитарным стилем воспитания*, где во главе тотальный контроль и категорические ограничения, детям просто запрещается пользоваться электронными устройствами без ведома родителей, и нарушение этого незыблемого правила жёстко карается. Результатом же становится потеря ребёнком веры в себя, стремления к инициативности и полное подчинение родителям. Или – отношения, построенные на обмане: ребёнок вынужден лгать, чтобы получить желаемое. К тому же в таких семьях нередко случаются и «революции», когда ребенок, понимая собственную ущемлённость (особенно на фоне вседозволенности в семьях друзей), просто бросает взрослым вызов, отказываясь выполнять их требования.

Иногда категоричность родителей носит не столь агрессивный характер. Например, мама и папа во имя сохранения здоровья ребёнка договариваются, что до семи лет не дадут ему в руки никаких электронных устройств. Они с гордостью подчёркивают этот факт во всех анкетах, беседах с друзьями. Однако их дети, оказавшись в кругу сверстников или на занятиях с использованием интерактивной доски, оказываются некомпетентными. Они не могут поддержать беседу о компьютерной игре, о которой говорят другие дети вокруг. Не понимают, кого и почему рисуют все мальчишки и девчонки в группе. А если родители запрещают им смотреть современные мультфильмы, они вовсе оказываются на «обочине» детского общения.

Не лучше ситуация и в семьях с *либерально-попустительским стилем воспитания*, где дети могут играть на планшетах, приставках столько, сколько им душе угодно. Кому-то из них это даже скоро надоедает: для них был бы сладок только запретный плод, а легализация быстро охлаждает их страсть. Дети просто слоняются по дому, не зная, как себя занять, при этом зачастую понимая и чувствуя, что родителям не до них. А кого-то игры так затягивают, что они уже не могут остановиться по собственной воле. Причем, пока взрослым удобна ситуация, что ребёнок тихо играет в своей комнате, не приставая с вопросами и нытьем, в доме спокойно.

Но, как правило, в какой-то момент родители вдруг осознают, что это зависимость, и ребёнок не желает в жизни больше ничего... Тогда они приходят к психологу и рассказывают, какой у них ужасный сын (или дочь): ленивый, безынициативный, агрессивный, отказывающийся от всего ради компьютерной игры. А в ответ на вопрос, когда же впервые ребенок пристрастился к электронным устройствам, они прячут глаза: «... да он уже в 8 месяцев обожал смотреть телевизор, а в коляске и в автомобиле просто отказывался ехать без моего телефона...».

То есть уже с колыбели добрые взрослые, оберегая свой покой и избегая детских истерик (особенно в публичных местах), с завидным постоянством своими руками подсаживали дитя на электронные устройства... Результат же такого воспитания опять же «почему-то» не устраивает их теперь.

Пожалуй, **ещё хуже ситуация, когда попустительство, слабость родителей проявляются не в связи с их позицией (чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало...), а зависит от настроения взрослых.**

Так, вечером, после напряженной работы, мама, занимаясь приготовлением ужина для семейства, больше и сильнее всего мечтает о том, чтобы отдохнуть или хотя бы в тишине и спокойствии разогреть еду и накрыть на стол. Но ребёнок, будто нарочно,

лезет в самые запрещенные и опасные места, зовет маму или просто, не получив вожделенного внимания родителей, кричит и плачет. Если же в семье несколько детей, то они, вероятнее всего, просто поставили цель свести с ума родителей своим поведением. Мама, падающая от усталости, выбирает единственный, по её мнению, путь спасения собственного спокойствия и беспрепятственного завершения приготовления ужина. Она просто даёт ребенку (или детям) свой телефон (планшет) и позволяет поиграть...

А в другой день, рассвирепевшая от беспорядка в комнате, от дневника с позорными оценками и замечаниями, от жалоб воспитателей и учителей на безобразное поведения её чада, от собственного бессилия и отчаяния, мама закрывает все гаджеты на ключ, объявляя запрет на их использование. Далее – в соответствии с семейными особенностями. Либо ребёнок нытьем и уговорами добивается возвращения сокровищ. Либо родители выдерживают указанный ими срок (час, день, неделю, месяц). В любом случае **отношения испорчены**.

С папами, которые вовсе не являются заложниками домашнего хозяйства, такие ситуации встречаются не реже. Иногда они (это относится только к представителям, страдающим «диванной болезнью»), дабы посмотреть новости или футбольный матч, безоговорочно соглашаются на то, что ребёнок все это время будет играть на планшете. Иногда же, войдя в дом и увидев беспорядок, услышав скорую, они в праведном гневе вырывают из рук ребёнка электронную игрушку, вспоминая при этом все «грехи» сына или дочери...

Мы живем в настоящем. И хотим счастья и комфорта именно здесь-и-сейчас. И дети, несмотря на нашу бесконечную любовь к ним, к великому сожалению, далеко не всегда являются источником такого комфорта. Потому что они просто дети. Они хотят жить в предсказуемом и безопасном пространстве, где правила жизни не зависят от настроения взрослых. И где **самые дорогие их сердцу близкие – мама и папа – честны с ними. Где правила – для всех членов семьи, а не только для них.**

Совсем недавно на консультацию ко мне пришёл пapa и с возмущением поведал историю о безынициативном, ленивом, лживом 9-летнем сыне, у которого, по словам папы, страшная болезнь: зависимость от компьютера. На вопрос же, сколько времени проводит сам отец за компьютером, он мгновенно ответил: «*Ну я же не играю. Я смотрю новости и важные для меня комментарии... и ... футбольные матчи*». Подумав несколько секунд, он добавил: «*Но как только я вижу, что сын приближается, я тут же переключаю компьютер на новостную ленту...*». **Прекрасный образец обучающего тренинга для ребенка «Как делать то, что хочется, и обманывать взрослых...».**

Ещё один пример наших, взрослых (читай – лицемерных) односторонних правил – наша собственная зависимость: в транспорте, за ужином дома, во время разговора с мужем (женой) мы беззастенчиво пользуемся телефонами и планшетами. Отвечаем на смс-ки, отправляем электронные письма, ищем информацию в Сети. И дети **просто-напросто перенимают такой неуважительный стиль общения**. Особенно же красноречив пример типичного современного семейного ужина в ресторане: члены семьи встречаются, обнимаются, заверяют друг друга в том, что просто счастливы видеть. Затем все весело приступают к выбору блюд, заказывают еду и... все достают телефоны и до появления пищи блуждают по просторам Интернета.

Описанные варианты воспитания, безусловно, непригодны из-за возможных последствий. **Как всегда, гармония – это золотая середина. Как её установить, знают родители-приверженцы демократического стиля воспитания и общения в семье.** И, видимо, засилье гаджетов может оказать человечеству прекрасную службу, потому что именно в связи с такой серьезной ситуацией, когда во многих семьях существует реальная угроза ухода детей в виртуальное пространство, когда детское общение сводится только к общению в социальных интернет-сетях, **нам, взрослым, просто необходимо решить для себя: хотим ли мы помочь детям и себе?** Но только для этого нужно потрудиться, потому что решение возможно только в том случае, когда мы, **взрослые**, наконец-то (вынужденные реальной угрозой потерять детей) **должны научиться сами и научить детей именно ДО-говариваться!** Устанавливать правила и ограничения, продумывать последствия и санкции.

В каждой семье, конечно, уже существует **система «можно» и «нельзя»** – система запретов и разрешённых действия и поступков. В какой-то семье запретов много, и они не всегда соблюдаются в силу их многочисленности или непоследовательности. А у кого-то работает всего несколько запретов, но совершенно железных, непререкаемых и незыблемых. Чаще всего они связаны с угрозой для жизни и здоровья ребёнка.

Безусловно, **запреты – неизбежная часть воспитательного процесса.** Ведь мы же не можем позволить ребёнку делать абсолютно всё, что он хочет: например, есть только конфеты всю жизнь. Или с утра до вечера смотреть мультики. Поэтому желательно, чтобы в семье были **определенные, чёткие правила** – договоренность взрослых и детей по поводу того или иного аспекта жизни. К сожалению, большинство родителей недооценивают значение таких правил. Или используют только устный, чаще всего односторонний вариант договоренности (который к тому же далеко не всегда выполняется ими последовательно и чётко).

Но, поскольку многие родители сегодня в панике ищут волшебное средство возвращения детей в семью, способ цивилизованно решить проблему «ребенок-гаджеты-родители», давайте обсудим возможные варианты семейного договора, касающегося **необходимости не только ограничивать и регулировать времяпровождение детей за электронными устройствами, но и обучения детей эффективному методу управления временем** (который к тому же является и важным условием эмоционального благополучия всей семьи).

Только сначала – договоримся. **СЕМЕЙНЫЙ ДОГОВОР.**
Что это?

1. Если вы решили порадовать ребёнка подарком – новым электронным устройством, желательно **ДО покупки оговорить и записать возможное время его использования.** Лучше всего составить чёткое расписание для будних и выходных/ каникулярных дней.

Если гаджет у ребенка уже имеется, на семейном совете аргументируйте (без угроз и нотаций) необходимость заключения договора. Объясните, что это средство мирного существования в семье (и семьи тоже).

2. Разговор о расписании использования гаджетов необходимо вести только в форме ДИАЛОГА: и взрослые, и дети предлагают свои варианты с обязательной аргументацией своей позиции.

Как правило, члены семьи подсчитывают реальное свободное время вечером с момента возвращения из детского сада/ школы и до момента укладывания спать. При этом учитывается, сколько времени надо на приготовление уроков, ужин, совместные игры или занятия, помочь родителям. Вероятнее всего, подобное расписание будет обсуждаться не один вечер.

3. После устного согласования окончательное расписание оформляется письменно и утверждается, т.е. подписывается всеми членами семьи.

А ещё необходимо разместить его на видном месте в доме (можно в нескольких местах).

4. Зачастую первая попытка установления границ становится недостаточно эффективной. Ребёнок должен точно знать: это расписание – не наказание, не кара за что-то. Это совместные усилия семьи по управлению временем.

И любые принятые сообща правила могут быть пересмотрены – тоже обязательно совместно – и уточнены, подкорректированы. **НО: пересмотр состоится не по первому желанию или капризу одного члена семьи**, а после, например, двухнедельной попытки реализовать их, когда становятся очевидными неточности, противоречия и др.

5. Кроме расписания договор будет содержать и условия, выполнение которых позволит в прописанное время играть на планшете, приставке и др. В каждой семье условия будут разными.

Одним из вариантов могут быть такие:

- выполнить домашнее задание;
- повесить форму на вешалку;
- поужинать;
- собрать портфель и др.

Внимание: условия должны быть выполнимые и очень конкретные!
Нежелательно писать: уборка комнаты, помочь маме, поскольку нет чётких критериев, которым легко следовать и которые можно контролировать (без придиорок).
Лучше написать: учебники поставить на полку, отнести грязное белье в ванную, помочь маме накрыть на стол или вымыть посуду после ужина.

6. Безусловно, такая игра в договор очень скоро может надоест ребёнку. Кроме того, далеко не всегда, даже в ожидании страстно желаемой игры на приставке, ребенок в состоянии выполнить все перечисленные условия. Поэтому, предвидя такую ситуацию, взрослым надо спланировать её разрешение.

Целесообразно заранее записать в договоре, что за невыполнение каждого условия ребенок лишается определённого количества минут развлечения. Тогда в случае невыполнения условий он будет готов к конкретным санкциям, оговорённым заранее. К тому же у него появляется возможность выбора: помыть посуду

и играть или полежать на диване. То есть **ребёнок берёт на себя ответственность за принятое решение**.

7. Письменный договор должен содержать не только ограничения и запреты, но и – обязательно – положительное подкрепление!

Например, если ребёнок выполнил все условия в течение дня (для дошкольника) или в течение недели (для подростка), он получает 10 минут (или 20, 30 – в зависимости от возраста и семейных обстоятельств) дополнительной игры. Или: если в утренние сумасшедшие часы суеты и многочисленных ритуальных действий ребёнок собрался самостоятельно раньше, чем запланирован обычный выход из дома, ему тоже может быть предоставлено дополнительное время на использование гаджета. Кроме того, что такое позитивное подкрепление мотивирует ребенка без окриков и замечаний собираться в школу/ детский сад, во время его заслуженной игры в доме появляется возможность остальным членам семьи завершить необходимые дела.

8. Если планшет или телефон один на несколько членов семьи, попросите детей самих договориться и при необходимости внести в договор количество времени владения гаджетом каждого из детей.

Это великолепный тренинг коммуникативной компетентности, умения договариваться с окружающими.

9. Можно ввести в договор и пункт об установлении зоны, свободной от гаджетов.

Например, один раз в неделю вся семья откладывает ВСЁ электронные устройства и в течение двух-трех часов занимается общим интересным и полезным делом. Или каждый вечер во время семейного чтения (благодаря которому устанавливаются тёплые и добрые отношения в семье) все оставляют на 30 минут телефоны и планшеты на кухне. Или же: время семейного ужина – без телефонов! Тогда дети поверят, что для вас главное – отношения в семье. И для этого вы готовы не только требовать от них подчинения своим правилам, но и справляться с собственными привычками, выходя для этого из зоны привычного комфорта ради семейного благополучия.

Безусловно, каждая семья сама решит, какие пункты стоит вносить в договор, а с какими они совсем не готовы согласиться. Главное – не количество ограничений и поощрений, а навык договариваться друг с другом и формирование ответственного поведения. И тогда – о, чудо! – вместо семейных скандалов и разборок наступит пора доброжелательных и уважительных отношений взрослых и детей.

Список литературы

1. Гаджет / Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=90493361>
2. Кволс К. Радость воспитания. Как воспитывать детей без наказания. – СПб, 2006.
3. Официальный сайт психолога Мониной Г.Б. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://galinamonina.ru>

GADGETS ON SERVICE OF FAMILY WELLBEING

Monina Galina B.

Abstract. Article is devoted to a problem of use of gadgets in family space. The author argues on consequences as strict control and total bans on use of electronic devices by children, and permissiveness in family; about expediency of introduction of a system it "is possible" and it "is impossible" – the systems of the bans and the allowed actions and acts. Article contains specific proposals on optimization of the child parental relations in connection with threat of leaving of younger generation in a cyberspace.

Key words: education purpose, style of education, gadgets, electronic devices, virtual world, cyberspace, control of parents, family rules, bans, responsibility, reinforcement.

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ СТАТЬИ:

Монина Г.Б. Гаджеты на службе семейного благополучия / Г.Б. Монина // Электронный научно-публицистический журнал «Homo Cyberus». – 2019. – № 1 (6). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://journal.homocyberus.ru/MoninaGB_1_2019

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ РАННИХ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ РАЗВИТИЯ

Куликова Олеся Евгеньевна – кандидат медицинских наук, магистрант Московского педагогического государственного университета (Россия, г. Москва)

kulikovaoe@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена обоснованию проблемы сохранения психологического здоровья ранних подростков в современных условиях. Рассматриваются несколько подходов к пониманию психологического здоровья, устанавливается связь психологического здоровья ранних подростков с современной ситуацией развития.

Ключевые слова: ранний подростковый возраст, психологическое здоровье, ситуация развития, развитие, воспитание, киберсоциализация.

Подростковый возраст – это период ключевых трансформаций. Наряду с физиологическими изменениями тела и функций организма ребёнка, его гормональной системы, системообразующие перемены совершаются и в личности молодого человека. Это возраст тревог и сомнений, развития рефлексии и самосознания, возраст установления новых интимных связей и индивидуальных границ, развития способности к самопознанию и самоизменению. Подросток начинает оценивать себя и других, сравнивать себя со сверстниками и взрослыми. **Начинается формирование мировоззрения, впервые возникает вопрос о смысле жизни и своём месте в мире.**

Подростковому возрасту свойственны неустойчивость и изменчивость психоэмоционального состояния, схем поведения и ценностных установок. В этот период наблюдается амбивалентность подростка в отношениях с окружающим миром: с одной стороны, он склонен к демонстрации самостоятельности и независимости, с другой – стремясь занять значимое место в группе сверстников, проявляет высокую конформность к нормам и ценностям референтной группы. **Социальная незрелость подростка и недостаточный жизненный опыт обуславливают особую чувствительность, которую он приобретает к влиянию таких внешних факторов, как социально-экономическая, внутрисемейная, школьная ситуации; оценка сверстниками; СМИ, социальные интернет-сети и т.п.**

Начинается переход к подростковому возрасту с 9 лет, а возраст 10-12 лет уже определяется как ранний подростковый [2]. В этом возрасте начинаются все те процессы, которые станут важной предпосылкой эффективной социализации, индивидуального и социального благополучия. Сохранение психологического здоровья подростка на этом этапе – условие его поступательного и продуктивного развития.

Отделяя психологическое здоровье от психического, понимаемого как отсутствие «болезненных психических явлений... обеспечивающее адекватную условиям окружающей действительности регуляцию поведения и деятельности» [11], современная наука связывает его с состоянием психологического комфорта, психологической гармонии.

Термин «психологическое здоровье» был введен в отечественный научный обиход И.В. Дубровиной. Как отмечает автор, понятие «психическое здоровье» в большей степени объясняет отдельные психические процессы и механизмы, «психологическое здоровье» же говорит о личности в целом, напрямую соотносясь с высшими проявлениями человеческого духа, морально-нравственными ценностями и ориентацией на высшие человеческие ценности. **Психологическое здоровье**, по мнению И.В. Дубровиной, заключается **нахождении достойного и удовлетворяющего человека места в «познаваемом, переживаемом им мире, отношения с которым гармонизируются на каждой возрастной ступени»** [11].

О.В. Хухлаева, характеризуя психологическое здоровье, говорит о **балансе между различными составляющими самого человека: эмоциональными и интеллектуальными, телесными и психическими; между человеком и окружающими людьми, природой, космосом** [15].

О.И. Мотков понимает психологическую гармонию как наличие у человека психического здоровья, личностного здоровья, социального здоровья и духовно-психологического здоровья, т.е. отсутствие психических заболеваний, **оптимальную внутреннюю согласованность, а также сбалансированность личности с окружающими социальными условиями, естественными природными средами и Миром в целом** [4].

В.А. Плешаков определяет психологическое здоровье как «*объективное состояние и субъективное чувство полного психического и социального комфорта и динамического равновесия личности с окружающей её социализирующей средой, при котором заложенные в биологической и социальной сущности человека особенности проявляются наиболее полно*» [10].

А. Маслоу [3] называет это комфорtnыми взаимоотношениями с реальностью. Одним из основных проявлений психологического здоровья А. Маслоу считает стремление к самоактуализации – быть тем, кем можешь быть, реализовывать то, что заложено природой, стремиться к высшим ценностям. При этом, необходимым условием самоактуализации учёный считает **нахождение человеком верного представления самого себя**.

Как отмечает И.В. Дубровина: «*психологическое здоровье позволяет личности стать постепенно самодостаточной, когда она всё больше ориентируется в своём поведении и отношениях не только на извне задаваемые нормы, но и на внутренние осознанные самоориентиры. Оно предполагает интерес человека к жизни, свободу мысли и инициативу, увлеченность какой-либо областью научной или практической деятельности, активность и самостоятельность, ответственность и способность к риску, веру в себя и уважение другого, разборчивость в средствах достижения цели, способность к сильным чувствам и переживаниям, осознание своей индивидуальности*

и радостное удивление по поводу своеобразия всех окружающих людей, творчество в самых разных сферах жизни и деятельности» [11, С. 56].

Опираясь на анализ литературы по исследуемой теме (И.В. Дубровина, О.В. Хухлаева, Б.С. Братусь, О.С. Васильева, К. Роджерс, А. Маслоу, Н.В. Мясищев, В.И. Слободчиков, Д. И. Фельдштейн и др.), мы делаем вывод о том, что **в основе психологического здоровья лежит гармония между развитием природных задатков и воспитанием личности как субъекта деятельности и жизни в определённых социальных условиях.**

В этой связи следует отметить, что современные условия жизнедеятельности детей и подростков создают радикально иную ситуацию развития. Согласно Л.С. Выготскому, ситуация развития – это «совершенно своеобразное, специфическое для данного возраста, исключительное, единственное и неповторимое отношение между ребёнком и окружающей его действительностью, прежде всего социальной» [1]. Д.И. Фельдштейн подчеркивает, что сегодня достаточно остро встает проблема изучения той среды, в которой живёт современный человек, понимания, в каком он живёт мире, в каком обществе, какие новые требования предъявляет к нему его новая ситуация развития, какой запрос формулирует общество [13].

Одной из наиболее отличительных черт этой новой ситуации развития является встраивание технологий в систему отношений личности с окружающим миром. Активное использование детьми и подростками цифровых технологий ведёт к качественным изменениям познавательных, эмоционально-мотивационных процессов; личностных характеристик; направленности, характера и содержания межличностных отношений; учебной и досуговой деятельности.

Как подчеркивает В.А. Плешаков, жизнедеятельность современного человека осуществляется параллельно в двух социализирующих средах: предметной объективной реальности и символично-знаковой реальности киберпространства. Развивая эту мысль, отметим тенденцию ко всём большему опосредствованию технологиями отношений личности с миром. В этих условиях неотъемлемой частью социализации современного человека становится его киберсоциализация, т.е. «*процесс качественных изменений структуры самосознания личности и потребностно-мотивационной сферы индивидуума, происходящий под влиянием и в результате использования человеком современных информационно-коммуникационных, компьютерных, электронных, цифровых и интернет-технологий в контексте усвоения и воспроизведения им культуры в рамках персональной жизнедеятельности*» (В.А. Плешаков) [8, С. 203].

При этом, интернет-среду целесообразно рассматривать как естественную среду обитания и социализации детей и подростков, дополняющую их ситуацию развития.

Характеризуя специфику современной ситуации развития, Д.И. Фельдштейн отмечает, что сегодня ребенок поставлен в принципиально иные условия, по сравнению, например, с детьми второй половины XX века. Начиная уже с дошкольного возраста, он находится в огромном открытом социальном пространстве, под давлением хаотичного потока информации, перекрывающей знания, получаемые

от родителей, учителей и создающей возможности для разного рода форм отношений, связей, действий.

Опираясь на исследования Психологического института РАО, факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова и ряда других вузов, Д.И. Фельдштейн выделяет ключевые факторы, определяющие *качественные психические, психофизиологические и личностные изменения современного ребенка*: маркетизацию, этику рынка, усиливающую ориентацию детей на потребление; адопцию – присвоение чуждых отечественной культуре образцов поведения, отрывающее ребёнка от культурных традиций общества и его истории; неравный доступ к образовательным ресурсам в мегаполисах и в провинции; рост девиаций; вместе с этим, на фоне роста психологической отчуждённости взрослых от мира детства отмечается стремление родителей ограничивать активность и самостоятельность ребенка. **Эти факторы провоцируют нарушения физического и психологического здоровья;** повышенный уровень тревожности и страхов; милитаризацию и повышенную агрессивность [13].

В связи с этим, актуализируется проблема сохранения психологического здоровья ранних подростков в условиях современной ситуации развития. Указанная проблема предполагает решение следующих исследовательских задач:

- содержательный анализ современных исследований, направленных на изучение психологического здоровья ранних подростков;
- изучение современной ситуации развития ранних подростков;
- оценка рисков нарушения психологического здоровья ранних подростков в современной ситуации развития;
- поиск и обоснование методов и средств преодоления возможных рисков нарушения психологического здоровья ранних подростков в условиях современной ситуации развития.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2005. – С. 11.
2. Леванова Е.А. Подросток: родителям о психопластике личности: учеб. пособие для вузов. – М.: МПСИ: Флинта, 2003.
3. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999.
4. Мотков О.И. Методика «Личностная биография» // Школьный психолог. – 1998. – № 38. – С. 8-9.
5. Павлова З. Депрессия из-за социальных сетей: что это? [Электронный ресурс]. URL: <https://med39.ru/article/psichiatria/seti-i-depressia.html> (дата обращения: 05.06.2019).
6. Плещаков В.А. Киберонтология и психология безопасности информационной сферы: аспект киберсоциализации человека в социальных сетях интернет-среды // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: Педагогика. Психология. – 2010. – Вып. 4 (19). – С. 131-141.
7. Плещаков В.А. Киберонтологическая концепция развития личности и жизнедеятельности человека ХХI в. и проблемы образования // Вестник

- Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2014. – № 4 (35). – С. 9-22.
8. *Плешаков В.А.* О киберсоциализации и здоровье личности в образовании // Информация и образование: границы коммуникаций. – 2014. – №6 (14). – С. 202-204.
 9. *Плешаков В.А.* Социальные практики жизнедеятельности «Нового Человека» – «Homo Cyberus» // Социальная педагогика в современных социальных практиках. Сборник научных статей V Международного симпозиума / Научные редакторы А.В. Мудрик, Т.Т. Щелина. – Издательство: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал, 2015. – С. 220-230.
 10. *Плешаков В.А.* Теория психовозрастного статуса личности и технология его развития в контексте профессиональной подготовки педагога-психолога: монография. – М.: Издатель Воробьев, 2010. – С. 71.
 11. Практическая психология образования: учебное пособие. – 4-е изд. / Под ред. И.В. Дубровиной. – СПб.: ТЦ «Сфера», 2004. – С. 48-49.
 12. Психология: Учебно-методическое пособие / Под ред. А.С. Татрова. – М.: Изд-во «Академия Естествознания», 2010.
 13. *Фельдштейн Д.И.* Изменяющийся ребенок в изменяющемся мире: психологопедагогические проблемы новой школы // Национальный психологический журнал. – 2010. – №2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenyayuschiysya-rebenok-v-izmenyayuschemsyamire-psihologo-pedagogicheskie-problemy-novoy-shkoly> (дата обращения: 04.06.2019).
 14. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. — М., 1990. – С. 24.
 15. *Хухлаева О.В.* Основы психологического консультирования и психологической коррекции: учеб. пособие. – М.: Академия, 2001.
 16. #StatusofMind / Royal Society for Public Health [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rspn.org.uk/our-work/campaigns/status-of-mind.html> (дата обращения: 04.06.2019).

TO POSE THE PROBLEM OF PRESERVING THE PSYCHOLOGICAL HEALTH OF EARLY TEENAGERS IN THE CURRENT SITUATION OF DEVELOPMENT

Kulikova Olesya E.

Abstract. The article is devoted to the substantiation of the problem of preservation of psychological health of early teenagers in modern conditions. Several approaches to the understanding of psychological health are considered, the connection of psychological health of early teenagers with the current situation of development is established.

Key words: early teenagers, psychological health, situation of development, development, education, cybersocialization.

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ СТАТЬИ:

Куликова О.Е. К постановке проблемы сохранения психологического здоровья ранних подростков в условиях современной ситуации развития / О.Е. Куликова // Электронный научно-публицистический журнал «Homo Cyberus». – 2019. – № 1 (6). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://journal.homocyperus.ru/Kulikova_OE_1_2019

«ИНТЕРНЕТ-ПРОЕКТЫ МОЖЕТ СОЗДАВАТЬ КАЖДЫЙ – ШКОЛЬНИК И УЧИТЕЛЬ, СТУДЕНТ И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ»

Обыденкова Валерия Кирилловна – кандидат педагогических наук, начальник информационно-аналитического отдела Института системных проектов ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (Россия, г. Москва)

Уважаемая Валерия Кирилловна, Вы – молодой учёный, кандидат педагогических наук, автор более 30-ти статей в сфере киберсоциализации человека и киберпедагогики, создатель оригинальной технологии интернет-проектирования, активно внедряемой в образовании, разрешите задать Вам несколько вопросов:

-1-

Валерия Кирилловна, почему Вы решили связать свою профессиональную биографию с педагогикой? Была ли это мечта детства или некое событие (человек) оказало определяющее влияние? Расскажите, почему Вы остановили свой выбор на факультете педагогики и психологии МПГУ?

Изначально я хотела стать психологом. Считала, что это помогло бы мне лучше понять других людей и получить интересную работу в будущем. Посетила многие университеты и институты, в которых готовили таких специалистов. Один день открытых дверей поставил «жирную эмоциональную точку» в этом непростом выборе. Факультет педагогики и психологии МПГУ привлек меня открытостью и доброжелательностью студентов и сотрудников. Организаторы дня открытых дверей встречали абитуриентов уже около метро, чтобы подсказать дорогу к факультету. Само мероприятие оказалось не просто собранием, а настоящим праздником! Мы получили исчерпывающую информацию о направлениях подготовки и прикоснулись к студенческой жизни – познакомились с педагогическим отрядом «ГРАНИ», посмотрели выступление местной команды КВН, всем залом аплодировали преподавателю Алексею Сергеевичу Обухову, который прочёл гостям свои стихи. До сих пор помню, как его выход на сцену сопровождался радостным гулом тогдашних студентов. Такую же реакцию у публики вызвали и другие выступающие. Звоночек! Здесь отличные преподаватели, раз их так любят.

Поступала на две специальности – психологию и педагогику, поэтому первый экзамен по биологии сдала дважды. У меня была серебряная медаль, и пятерка на первом экзамене давала право пройти конкурс без необходимости сдавать ещё два экзамена. Результаты поставили меня перед выбором. С моей четверкой на дебютном экзамене можно было пробовать свои силы в оставшихся вступительных испытаниях на бюджетное отделение по психологии. Или же, получив пятерку на втором экзамене по биологии,

остановиться на педагогическом направлении. Я выбрала последнее. Уверена, современные мотивационные тренеры осудили бы, что я не стала идти до конца к «успеху». [смеётся] Ни разу не пожалела о принятом решении: я попала к интереснейшим преподавателям, познакомилась со множеством приятных людей, встретила новых друзей, в процессе обучения нашла дело, которым мне хочется заниматься на протяжении всей жизни.

–2–

Скажите, какое место в Вашей жизни занимают цифровые технологии? Нам интересно, с какими целями Вы используете современные возможности Интернета и мобильного телефона? Вы всегда готовы быть онлайн, на связи или практикуете кибер- и медиаскетизм время от времени?

Я практически всегда на связи. Моя работа и научная деятельность немыслимы без Интернета. Мне важно отслеживать тренды, особенности коммуникации и самопрезентации людей и сообществ в социальных интернет-сетях, рассказывать о своей деятельности – например, анонсировать вебинары или делиться впечатлениями от прошедших событий, делать репосты того, что мне нравится. Так как в последние годы работа занимает достаточно много времени, телефон и Интернет для меня – также средства общения с друзьями, близкими. В некоторые выходные и все государственные праздники, в периоды отпуска я значительно менее активный пользователь Сети – как правило, находятся важные и интересные дела вне интернет-пространства: встречи, поездки и т.д. И, конечно, как у всех – домашние дела.

–3–

Помните ли Вы, как и с чего началась Ваша киберсоциализация? Можете поделиться какой-нибудь историей? Или несколькими. А ещё хочется узнать, как киберсоциализация помогла Вам в написании и защите диссертации?

Как и у многих детей конца 90-х – начала 2000-х, моя киберсоциализация началась с компьютерных игр. Притягивала сама идея существования миров, которые можно исследовать, в которых можно выполнять задания и выстраивать шаг за шагом сюжетную линию, а также взаимодействовать с различными персонажами. В течение нескольких лет у меня была возможность играть, когда я приезжала в гости к двоюродной сестре в другой город. Увлеченность играми довольно гармонично вписалась в мою повседневную жизнь. С 6 лет я посещала художественную студию, могла часами рисовать не только замершие во времени предметы и сюжеты, но и придумывать комиксы. Через некоторое время после своего первого знакомства с компьютером я начала рисовать комиксы по мотивам любимых игр. Собственный компьютер мне купили в 12 лет, у меня появились новые игры – RPG, стратегии, «стрелялки» и др. Ближе к окончанию школы мой интерес сместился в сторону освоения графических программ и Интернета. Я вступила в сообщество любителей Adobe Photoshop, освоила офисные программы, нашла сайт и форум футбольных болельщиков. Да-да, я люблю футбол! [смеётся] Познакомилась в Сети с большим количеством новых людей, дружба с некоторыми из них оказалась довольно продолжительной.

К защите диссертации моя киберсоциализация имеет прямое отношение. На втором курсе нам – студентам факультета педагогики и психологии МПГУ – предложили выбрать

тематику будущих курсовых работ. Мне было интересно практически всё, но я остановила свой выбор на самом необычном направлении – киберсоциализации человека. Не будь я таким активным пользователем Интернета, кто знает, захотелось ли бы мне исследовать это пространство! Писать курсовую работу было увлекательно: каждая новая идея – это маленький шаг к развитию теории киберсоциализации человека. Вы как мой научный руководитель поддерживали и продолжаете поддерживать по сей день все мои научные начинания. Ещё 9 лет назад это вдохновило меня на продолжение научной деятельности по выбранной тематике. Вторая курсовая, выпускная работа бакалавра. Практически ежегодно дипломы лауреата конкурса научных работ среди студентов МПГУ. Я считаю, что в курсовых и дипломе обязательно должно быть хотя бы небольшое, хотя бы крохотное научное открытие. В любой научный текст я стремлюсь привнести что-то новое – результаты последнего исследования или свежие теоретические идеи. Возможно, это как раз и пришлось по нраву строгому жюри. Потом магистерская диссертация. Затем долгий путь к защите кандидатской диссертации. Параллельно на протяжении почти 10 лет обучения – научные конференции, статьи...

–4–

Как Вы относитесь к ранней киберсоциализации подрастающего поколения, что происходит сейчас? В чём Вы видите принципиальные отличия детей «цифрового поколения» – поколения «Homo Cyberus» – от предыдущих поколений?

Любая киберсоциализация – «ранняя» или «поздняя» – должна быть прежде всего осознанной. Взрослый сам в состоянии отрефлексировать, почему он так много времени проводит в Интернете или играет в компьютерные игры, мобильные приложения. Со школьниками этот вопрос можно и нужно обсуждать и совместно рефлексировать. За ребёнка раннего и дошкольного возраста надо подумать. Понаблюдать за ним, чтобы понять, чем именно его привлекает другая реальность. А может, дело в том, что мы сами хотим от ребёнка тишины, пока занимаемся своими делами? Если технологии используются непродолжительное время, не подменяют предметную реальность и приносят пользу (например, дети смотрят мультфильмы или проходят развивающие квесты), а взрослые способны показать малышу красоту и увлекательность окружающего мира без гаджетов, в ранней киберсоциализации нет ничего страшного. Важен не факт ранней киберсоциализации, а её качество и отношение к ней.

Говоря об отличиях поколения «Homo Cyberus» от предыдущих, нельзя не заметить ухудшение внимания и памяти современных детей и молодёжи. Любая информация доступна, можно не стараться её запомнить, а легко найти в Интернете, когда она вновь понадобится. Если о позитивном – дети XXI века блестящие владеют компьютерными и интернет-технологиями, которые нужны как в повседневной, так и в учебной, а затем и профессиональной жизни.

–5–

Скажите, пожалуйста, какие главные проблемы и возможности Вы видите в процессе интеграции науки и социальных медиа?

Я очень позитивно отношусь к этому процессу. Исторически сложилось мнение, что наука для тех, кто в ней разбирается или мотивирован разобраться. Во многом это связано с научным стилем речи – как письменной, так и устной. Такой стиль готовы

воспринимать не все. Попытка интеграции науки и социальных медиа способствовала появлению в Сети информации о научных достижениях, изложенной простым языком. Тем не менее, есть и проблемы. Как рассказать просто о сложном без потери качества? Что выбрать – достоверную и исчерпывающую научную информацию или широкую аудиторию подписчиков? Каждый человек и каждое сообщество, участвующие в этом процессе, отвечают на эти вопросы по-разному в зависимости от своих целей и ценностей.

Еще один позитивный момент: благодаря социальным медиа исследователям стало проще найти испытуемых. Однако и тут есть подводный камень. Является ли человек, заполняющий опросник, тем, за кого он выдает себя в Интернете?

Нельзя обойти стороной и возрастающий охват научных публикаций. Если раньше статьи учёных выходили только в печатных изданиях, то теперь многие научные журналы и сборники дублируют материалы на своих сайтах или вообще являются полностью электронными. Статьи, опубликованные в Сети, потенциально могут прочитать люди со всего земного шара. При этом возрастаёт риск плагиата. Скопировать чужую статью и затеряться среди огромного количества научных публикаций очень просто. При этом плагиат стало легче и выявлять, но не все авторы имеют желание и возможность тратить на это время.

–6–

В чём, по Вашему мнению, заключается цифровизация образования? Какие достоинства и недостатки есть у этого процесса?

На практике цифровизация образования заключается в возрастающей доступности в образовательных организациях цифровых, электронных, компьютерных и пр. средств, медиаресурсов и сервисов интернет-пространства. Появляются цифровые лаборатории. Такие новшества обычно более наглядны для учеников и студентов, что позволяет, к примеру, не просто представить, а своими глазами увидеть и понять сложный процесс практически в любой научной сфере. Другая сторона: не все они грамотные и продуманные, не все они имеют видимые преимущества перед традиционными средствами обучения, а просто их дублируют.

В последнее время очень популярна Московская электронная школа (МЭШ), в которой каждый учитель столицы может поделиться своей разработкой – сценарием урока, приложением и т.д. Разработки встречаются разные – от репродуктивных сценариев, имеющих мало отличий от презентаций PowerPoint, до интерактивных, способствующих творческой активности детей на уроке и позволяющих в игровой, исследовательской форме изучать школьный предмет.

Мы в МГПУ сейчас работаем над тем, чтобы авторы сценариев уроков в МЭШ максимально использовали возможности этой образовательной среды, в частности, создавали продуктивные интерактивные задания, предлагали интересные варианты взаимодействия учеников с видео- и аудиоконтентом и многое другое.

–7–

Валерия Кирилловна, Вы успешно защитили диссертацию по теме «Интернет-проектирование как средство профессиональной подготовки студентов педагогических вузов». Как Вы считаете, каковы перспективы

у интернет-проектирования в школьном и вузовском образовании? Сталкивались ли Вы с непринятием интернет-проектирования со стороны педагогов и/или учащихся? Что Вы предпринимали в этих случаях?

Интернет-проекты может создавать каждый – школьник и учитель, студент и преподаватель. Интернет-проектированию, как и любой другой деятельности, нужно обучать с опорой на психовозрастные особенности и возможности обучающихся.

Преподаватели и студенты откликаются на интернет-проектирование с живым интересом. Учителя чаще всего психологически не готовы к интернет-проектированию – сегодня школа живёт в эпоху перемен, что серьезно отражается на занятости педагогов и наличии у них свободного времени для освоения новых подходов и технологий. Сложилось так, что предлагаемые технологии часто воспринимаются школьными учителями как очередные поручения «сверху» и встречают один и тот же вопрос: «*Кто и когда должен этим заниматься?*». Административное введение интернет-проектирования не даст полезного результата. Поэтому опора в этом процессе – педагоги, которые сами захотели попробовать интернет-проектирование в своём учреждении: на уроках, а особенно во внеурочной деятельности. Я всегда это подчеркиваю. Путь к тому, чтобы интернет-проектирование стало такой же неотъемлемой частью образовательного процесса школы или вуза, долгий. Привычная нам проектная деятельность тоже его проходила. Кто знает, может, через несколько лет и интернет-проектирование станет таким же привычным?

–8–

Какие советы Вы можете дать по продвижению странички в Интернете?

Похоже, общество устало от идеальных, глянцевых страниц в Сети, от которых веет так называемым «успехом». Поэтому мой совет – быть аутентичным и писать, если есть желание поделиться личной историей или профессиональной находкой, пригласить к обсуждению волнующих событий или показать фотографии и видеозаписи. Иными словами, не заниматься продвижением ради продвижения, а исходить из того, насколько публикуемая информация важна лично вам и полезна окружающим.

Если же мы говорим о продвижении не личной страницы, а сообщества, то добавлю еще одну рекомендацию: наряду с публикацией продукции рассказывать о людях, которые работают в организации или пользуются её услугами, так или иначе связаны с ней. Говорить на одном языке с подписчиками. Не давать усомниться в том, что за каждым постом, идеей, предложением стоит настоящий, живой человек, которому важно благополучие подписчиков страницы компании. «Втюхивать» уже не модно. В тренде польза.

–9–

Считается, что развитие проекта эффективнее в социальных интернет-сетях («ВКонтакте», Instagram). Правда ли это?

Совершенно верно. Благодаря социальным сетям Интернета вы быстрее увеличите охват, расширите географию своего проекта. Лента новостей – уже не просто набор новых записей, опубликованных у френдов, в группах и сообществах, на которые вы подписались. В ней появляются рекомендуемые записи, записи друзей друзей и т.д.

При этом пользователи становятся более разборчивыми и не ведутся на прямую рекламу, между сообществами в социальных интернет-сетях усиливается конкуренция за подписчиков, заставляя искать всё новые способы продвижения контента. Развитие проекта в социальных интернет-сетях с каждым годом всё сложнее, но тем интереснее.

–10–

Валерия Кирилловна, Вы сейчас работаете начальником информационно-аналитического отдела Института системных проектов МГПУ. Что Вы можете рассказать нам о своей профессиональной киберсоциализации?

Профессиональная киберсоциализация преобладает, так как рабочие задачи процентов на девяносто решаются в Интернете. Мы освещаем мероприятия Института системных проектов на сайте, в социальных интернет-сетях, ищем всё новые способы заинтересовать подписчиков. Работаем с рукописями и готовим к публикации научные статьи. Много общаемся. Взаимодействие между сотрудниками университета часто происходит не только лично, но и в Сети – по электронной почте, видеосвязи, с помощью мессенджеров. Отдельный и очень интересный формат работы – в «облаке», где можно совместно создавать и редактировать файлы, а также оставлять друг другу комментарии. Это отличная возможность для моего саморазвития в качестве руководителя – нужно ставить понятные задачи в условиях опосредованной коммуникации. А ещё никто не отменял развитие вовлеченности и сплочённости сотрудников – это тоже можно реализовывать в процессе интернет-взаимодействия.

–11–

Киберсоциализация на рубеже XX-XXI вв. стала популярным видом социализации современного человека. Сеть стала востребованным пространством неформального просвещения и социального воспитания молодежи. Какие идеи и перспективы развития теории киберсоциализации человека и киберпедагогики наиболее Вам близки и почему?

Любые выходы на практику – от разработки рекомендаций и лайфхаков, связанных с киберсоциализацией, до проведения обучающих курсов. Онлайн-образование и обучение киберкомпетенциям набирает обороты, поэтому, имея такую значительную и проработанную теоретическую базу, можно создавать качественные продукты в сфере образования.

–12–

Валерия Кирилловна, поделитесь, пожалуйста, своим прогнозом на будущее: как будут развиваться технологии, как они будут менять жизнь человека, образование и воспитание подрастающих поколений?

Технологии уже давно стали нашими помощниками в повседневной жизни. Покупка вещей и еды, заказ такси, бронирование номера в гостинице, запись на интересующие мероприятия, дистанционные курсы через Интернет или мобильные приложения – лишь несколько примеров. Текущее развитие подобных сервисов движется к тому, чтобы, нажав 1-2 кнопки, человек получал нужный ему результат практически в любой сфере жизни. Уйдет в прошлое понятие пользователяского интерфейса. Как сказал Илья Бирман, «пусть поглощает машина» (не нужно заставлять человека считать

в уме, запоминать путь к файлу, сверять с бумажкой код доступа и т.д. – этим должна заниматься автоматизированная система). Полагаю, для этого особое внимание будет уделяться исследованию и развитию искусственного интеллекта, чат-ботов и других роботизированных помощников, обратной связи между человеком и онлайн-сервисом. В области образования, могу предположить, станет важным умение разбираться в потоке информации и подбирать действительно стоящий контент – возможно, скоро на этом будут основываться популярные онлайн-курсы и сервисы.

–13–

Ваши дальнейшие творческие планы?

Продолжать исследования в области киберсоциализации человека. Усилить теоретическую и методическую базу интернет-проектирования. Продвинуться в том, чтобы интернет-проектирование заинтересовало не только преподавателей вузов, но и школьных учителей. Апробировать несколько авторских упражнений, классифицировать существующие интернет-проекты и проекты, созданные с использованием сети Интернет.

–14–

Валерия Кирилловна, что ещё Вы хотите сказать и пожелать пользователям нашего информационно-просветительского интернет-портала «[Homo Cyberus](#)»?

Наши пользователи – это учёные и педагоги, психологи: начинающие и состоявшиеся. Вне зависимости от того, как давно вы пришли в свою сферу, я желаю вам всегда быть увлечёнными и влюблёнными в дело, которым вы занимаетесь!

Беседовал Владимир Плешаков
май 2019

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ:

Интервью с молодым учёным – Валерией Кирилловной Обыденковой «Интернет-проекты может создавать каждый – школьник и учитель, студент и преподаватель» // Электронный научно-публицистический журнал «[Homo Cyberus](#)». – 2019. – № 1 (6). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://journal.homocyberus.ru/Obydenkova_VK_1_2019_intervyu

КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИЯ НА XIV МЕЖВУЗОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

23 апреля 2019 года на факультете педагогики и психологии МПГУ прошла уже в 14 раз Межвузовская конференция молодых учёных по результатам исследований в области психологии, педагогики, социокультурной антропологии.

Секцией «Киберсоциализация: человек в информационном пространстве» традиционно руководил **Плешаков Владимир Андреевич**, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры социальной педагогики и психологии МПГУ, главный редактор информационно-просветительского интернет-портала и журнала «*Homo Cyberus*» (<http://www.homocyberus.ru>).

Экспертами секции стали: бессменный **Лейбовский Марк Абрамович** – кандидат педагогических наук, профессор МПГУ, заведующий кафедрой информатики и математики экономического факультета Московского психолого-социального университета; долгожданная **Воинова Ольга Игоревна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры Высшей математики Московского государственного технического университета гражданской авиации; многолетний единомышленник **Обыденкова Валерия Кирилловна** – кандидат педагогических наук, начальник информационно-аналитического отдела Института системных проектов МГПУ, пресс-секретарь информационно-просветительского интернет-портала «*Homo Cyberus*» (<http://www.homocyberus.ru>); недавняя выпускница научной группы **Ладошина Диана Максимовна** – магистр психологии, ассистент директора по персоналу на телеканале *Shop&Show*.

Секретарь секции: **Румянцева Екатерина Геннадьевна**, магистр социальной работы, также недавняя выпускница научной группы.

На секции выступили:

1. Образцов Владимир Олегович с докладом «*Блогинг как форма профессиональной киберсоциализации студентов педагогов-психологов*».

Автор доклада постарался как можно больше рассказать о своей проделанной работе в области исследования такого популярного среди молодежи явления, как блогинг.

Популярность блогинга обусловлена следующими факторами: свобода от цензуры, возможность коммуникативной самореализации и одновременно коммерциализации своего хобби, возможность пропаганды собственных идей и ценностей; открытость для любого пользователя, тематическое разнообразие. По мнению Владимира, с помощью блога молодые люди могут реализовать себя в профессиональной отрасли, блог может стать ресурсом накопления знаний и общения в кругу единомышленников.

В ходе исследования использовались разработанные автором анкеты для преподавателей, студентов и блогеров. Опрошено 230 человек (179 студентов, 46 блогеров и 5 преподавателей).

Исследователем выявлены и классифицированы профессиональные компетенции в качестве основы процесса профессиональной социализации студентов-психологов; сформулированы и предложены рекомендации для педагогов-психологов по применению блогинга как формы профессиональной киберсоциализации.

2. Дужих Андрей Павлович с докладом **«Проблема одиночества в эпоху киберсоциализации»** (лучший доклад секции).

Основной мыслью данного доклада являлось утверждение, что одиночество связано с интернет-зависимостью: чем больше времени человек проводит в Интернете, становясь зависимым от него, тем более социально изолированным он может стать.

В практической части исследования приняло участие 100 человек от 15 до 25 лет. Результаты работы следующие: показатели уровня одиночества и интернет-зависимости находятся в средних значениях, лишь у четверти опрошенных выявлен высокий уровень интернет-зависимости (25,5%), а у 15% диагностирован высокий уровень одиночества.

3. Шатон Анна Вячеславовна с докладом **«Психологический портрет геймера»**.

Анна в своем докладе рассмотрела связь стереотипов о геймерах с реальностью, изучив, кто является геймером и сравнив показатели у геймеров и «не-геймеров» через копинг-тест Лазаруса и методики ИЖС (индекса жизненного стиля), чтобы впоследствии выявить, какими качествами обладают геймеры и «не-геймеры» и есть ли большая разница в полученных значениях.

Получены следующие данные: многие показатели среди геймеров и людей, не увлекающихся компьютерными играми, расходятся незначительно. Например, геймеры могут быть агрессивны настолько же, насколько и «не-геймеры», или наоборот, геймеры также могут не вступать в конфликт и т.д.

Геймеры, по мнению автора, социализируются в равной степени с «не-геймерами» при условии, что увлечение играми является для игроков хобби, а не зависимостью. Таким образом, геймеры практически не отличаются по психологическим характеристикам от людей, которые не увлекаются компьютерными играми.

4. Руденко Анна Викторовна с докладом **«Сохранение воспитательной среды для ребёнка, находящегося под влиянием интернет-пространства DarkNet»** (лучший доклад секции).

В докладе автор утверждала, что возрастает опасность попадания ребёнка под влияние неблагоприятной интернет-среды, в частности, под влияние так называемого «DarkNet». Даркнет – это домены и браузеры, содержащие социально-опасный запрещённый контент.

Анна подробно рассказала о том, как происходит деструктивное влияние на ребёнка: ребёнок находит какую-либо запрещённую информацию (намеренно или случайно), поскольку многие дети желают самоутвердиться среди сверстников и в компании друзей, на него «выходит» «группа» (люди, которые являются приверженцами той или иной позиции и взглядов, часто с негативным окрасом) и через манипуляции и авторитет завсегдатаи DarkNet толкают ребёнка к асоциальным действиям.

В наше время необходимо окружать ребёнка правильной развивающей, воспитывающей средой, через которую ребёнок может реализовать себя и раскрыть творческий потенциал, и сделать это, по мнению Анны, можно, если:

- 1) проводить профилактические мероприятия;
- 2) проводить латентный мониторинг контента, потребляемого ребёнком;
- 3) прибегать к превентивным мерам;
- 4) проводить психологическую работу с ребёнком и его семьёй;
- 5) заменить отрицательные звенья воспитательной среды ребёнка на позитивные.

Главное – быть в контакте с ребёнком, знать о его увлечениях, поддерживать его начинания и обсуждать с ним его проблемы, уметь слушать и слышать его.

5. Шемякина Виктория Сергеевна с докладом **«Киберреализм в художественной литературе XXI века как средство киберсоциализации»** (лучший доклад секции).

В современной прозе, казалось бы, отражены все проблемы, какие только могут быть. Однако в ней не нашлось места для так называемого киберреализма, затрагивающего проблемы киберсоциализации. Как альтернатива, существует жанр киберпанка, но в нём всё сводится к тому, что человеческая культура вымирает и мир захватят машины.

Виктория считает, что необходима литература, оказывающая киберсоциализирующее действие, т.е. нужна киберсоциализирующая литература, отвечающая следующим критериям:

- 1) отображать идеально-правовые проблемы в киберпространстве;
- 2) такая литература должна обладать самодостаточностью;
- 3) иметь признаки художественного произведения;
- 4) должна быть реалистичной;
- 5) должна быть доступной.

Если развивать данное направление, киберреализм может стать новым жанром в литературе.

6. Лукьянова Ольга Игоревна с докладом **«Влияние информационного контента социальных сетей на уровень оптимизма у будущих педагогов»**.

Автор рассмотрела такие понятия, как оптимизм и подходы к его пониманию, чтобы связать их с педагогической деятельностью.

Педагогический оптимизм – это вера педагога в возможности ребёнка и настроенность на восприятие положительных сторон детей.

Одной из главных задач своего исследования Ольга поставила определить уровень оптимизма у студентов направления «Педагогическое образование» и проанализировать отношение оптимистов и пессимистов к контенту в социальных интернет-сетях. Для этого

было опрошено 117 студентов, использовались тест диспозиционного оптимизма и разработанная авторская анкета о контенте в социальных сетях Интернета. Рассмотрены такие позиции, как: отношение к «постам» (записям) пессимистичного характера (ставят ли «лайки»), изменение настроения после просмотра контента оптимистического или пессимистического характера у оптимистов и пессимистов, и подписаны ли студенты на группы в социальных интернет-сетях, в которых размещается контент депрессивного содержания.

На основании проведённого исследования в целях повышения уровня оптимизма автором были выделены следующие рекомендации:

- 1) отписаться от групп и публичных страниц, публикующих материалы негативного, пессимистичного характера;
- 2) минимизировать просмотр такого контента в целом;
- 3) тщательнее формировать свой круг подписок в социальных интернет-сетях.

Благодаря оптимизму можно избежать скорого профессионального выгорания, которому сильно подвержены педагоги, оптимизм способствует формированию эффективной образовательной среды, а также способствует психологическому благополучию.

7. Кислицкий Михаил Михайлович с докладом «Особенности киберсоциализации фермеров и жителей сельской местности».

Автор рассказал, что с помощью собственной криптовалюты фермеры одного из сёл смогли «поднять» собственное хозяйство и выйти на крупный рынок, сбывать продукцию за рубеж, закупать необходимое оборудование для сельскохозяйственных работ. Использование криптовалюты способствует, по мнению Михаила Михайловича, развитию экономического проектирования, формированию сообществ, ассоциаций и союзов фермеров, что было бы невозможно без развития современных технологий в области блокчейна.

8. Белых Валерия Николаевна и Самойлова Анастасия Анатольевна с докладом «Влияние компьютерных игр на межличностное общение младших подростков» (лучший доклад секции).

Рассматривая компьютерную игру с точки зрения психологии, авторы предполагают, что игра имеет как положительное, так и отрицательное влияние на развитие личности подростка. Позитивные функции игры: снятие стресса, развитие пространственного мышления, логики и т.д. При помощи игр и Интернета можно найти новых друзей и расширить круг общения. Негативные последствия: трудности в общении с другими людьми, нарушение коммуникативных навыков.

В рамках исследования было опрошено 55 учеников в возрасте 11-12 лет. Порядка 60% детей, которые активно увлекаются компьютерными играми, общаются не непосредственно со сверстниками, а через мессенджеры, социальные интернет-сети, игровые чаты. И это при том, что по времени они проводят за играми не более двух часов в день.

Современные компьютерные технологии являются важной частью жизни пятиклассника, с их помощью он не только проводит свой досуг, но и общается с друзьями вне игровой ситуации. Часто играющие в компьютерные игры дети отдают предпочтение социальным интернет-сетям и приложениям для общения с товарищами

(примерно 70%) в противовес личным контактам. Увлечение компьютерными играми ведёт к снижению процента детей, предпочитающих личный контакт с друзьями – как показало исследование, только 6% опрошенных сказали, что общаются с друзьями, не используя современные технологии.

9. Щепёткин Дмитрий Егорович с докладом «*Блогинг как профессиональный инструмент специалиста по работе с молодежью*» (лучший доклад секции).

Интернет активно вошел в нашу повседневную жизнь не только как источник информации, но и как пространство для самореализации и саморазвития. Интернет стал основным местом досуга у молодёжи, равно как и увеличение влияния новых «лидеров мнений» – блогеров, это то, по мнению автора, на что следует обращать внимание при подготовке и обучении будущих организаторов работы с молодежью.

Чтобы выявить, можно ли считать блогинг инструментом специалиста по работе с молодежью, была разработана анкета, опрошено 104 респондента и 9 экспертов.

И среди экспертов, и среди студентов частично совпали мнения о том, что из себя представляет блог, и нужно ли умение вести блог включить в профессиональные компетенции организатора работы с молодежью. На вопрос: «*Как Вы думаете, люди, которые активно читают/пишут блоги, наиболее конкурентные на рынке труда? С чем это связано?*» большинство экспертов считает, что данные люди более конкурентоспособны и связывают это с постоянным самообразованием и наличием у таких людей друзей из профессиональных сообществ. Этого же мнения придерживаются и 65,4% опрошенных студентов.

После анализа полученных данных сделан вывод о том, что существует большой запрос от всех категорий опрашиваемых (студенты и выпускники, работодатели, преподаватели) на специалиста, который умеет работать с информацией из Сети и в курсе событий и трендов. Также возросшая потребность в людях, умеющих пользоваться в своей профессиональной деятельности таким инструментом как блогинг, подтверждает гипотезу о важности блогинга как профессионального инструмента специалиста по работе с молодежью.

Как можно заметить, начало и завершение работы секции «Киберсоциализация: человек в информационном пространстве» были связаны с темой блогинга.

В целом хочется отметить, что в этом году докладчиками секции стали не только психологи и педагоги, но к нам присоединились и студенты-филологи, и студенты факультета иностранных языков и даже экономисты!

Екатерина Румянцева и «Homo Cyberus»

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ:

Румянцева Е.Г. Киберсоциализация на XIV Межвузовской конференции / Информационно-просветительский интернет- портал «Homo Cyberus» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.homocyberus.ru/14_mezhvuzovskaya_cyber_2019

ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ АВТОРОВ!

Статьи подлежат обязательному рецензированию.

На основании экспертной рецензии автору могут быть даны рекомендации к доработке или статье может быть отказано в публикации.

Плата за публикацию не взимается. Гонорар авторам не выплачивается.

Автор берет на себя ответственность за достоверность указанных в статье фактов, точность имен и цитат, оригинальность текста.

Запрещаются к публикации порнографические и экстремистские материалы; тексты и изображения, разжигающие межнациональную и межконфессиональную рознь.

Редакция журнала «Homo Cyberus» оставляет за собой право не разделять мнение автора.

Перечень документов к публикации:

1. Текст статьи в электронном виде
2. Анкета автора (для новых авторов)
3. Фотография в электронном виде

Ознакомиться с требованиями к оформлению статей и скачать карточку автора можно на сайте журнала:

<http://journal.homocberus.ru/avtoram>

Документы могут быть поданы по электронной почте или лично на электронном носителе.

Контактный e-mail: portal.homocberus@gmail.com